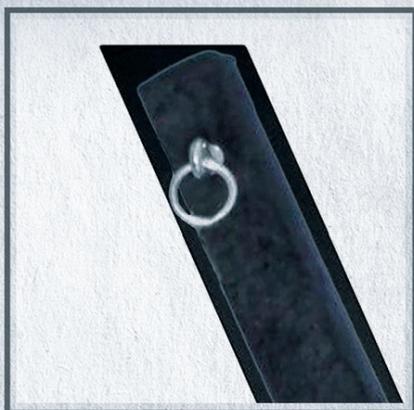

Уильям БАЙЕР

ФОТОГРАФИЯ ИЗ ЛЮЦЕРНА

Невероятно атмосферный
и захватывающий роман!

Booklist

Алиенист

Уильям Байер

Фотография из Люцерна

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Байер У.

Фотография из Люцерна / У. Байер — «Издательство АСТ»,
2015 — (Алиенист)

ISBN 978-5-17-093836-0

В 1882 году юная Лу Андреас-Саломе, писательница, будущий психоаналитик и роковая женщина, позирует вместе с Фридрихом Ницше и Паулем Рэ для необычной фотографии. Более тридцати лет спустя студент-искусствовед из Вены дарит фрау Лу свой рисунок-интерпретацию снимка, получившего скандальную известность. В наши дни фотографию повторяет профессиональная госпожа-доминантрикс, известная под именем Шанталь Дефорж. Когда тело Шанталь находят в багажнике украденной машины в аэропорту Окленда, штат Калифорния, в дело оказывается замешана Тесс Беренсон, блестящая актриса, переехавшая в лофт в стиле ар-деко, служивший до этого домом и рабочим местом госпожи. Интерес Тесс к личности Шанталь усиливается: она находит подсказки к разгадке убийства и все больше связей между своей жизнью и жизнью госпожи.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-093836-0

© Байер У., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Уильям Байер

Фотография из Люцерна

William Bayer

THE LUZERN PHOTOGRAPH

Печатается с разрешения автора и литературных агентств InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency.

© William Bayer, 2015

© Перевод. Н. Казанцева, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Уильям Байер – американский писатель, автор девятнадцати художественных и научно-популярных книги, переведенных на четырнадцать языков.

Его книги становились бестселлерами «Нью-Йорк Таймс», завоевали множество премий, включая престижную Премию Эдгара Алана По за лучший роман, и были несколько раз экранизированы.

Захватывающий психологический детектив, в котором скандальная фотография конца XIX века дает ключ к современному убийству.

* * *

В этом психологическом триллере Байер холодно и умело изображает границу между добром и злом, переключаясь между фактами и вымыслом.

Library Journal Starred Review

Байер держит в напряжении, искусно сочетает сюжетные линии и вдумчиво развивает своих персонажей.

Publishers Weekly

Невероятно атмосферный и захватывающий роман!

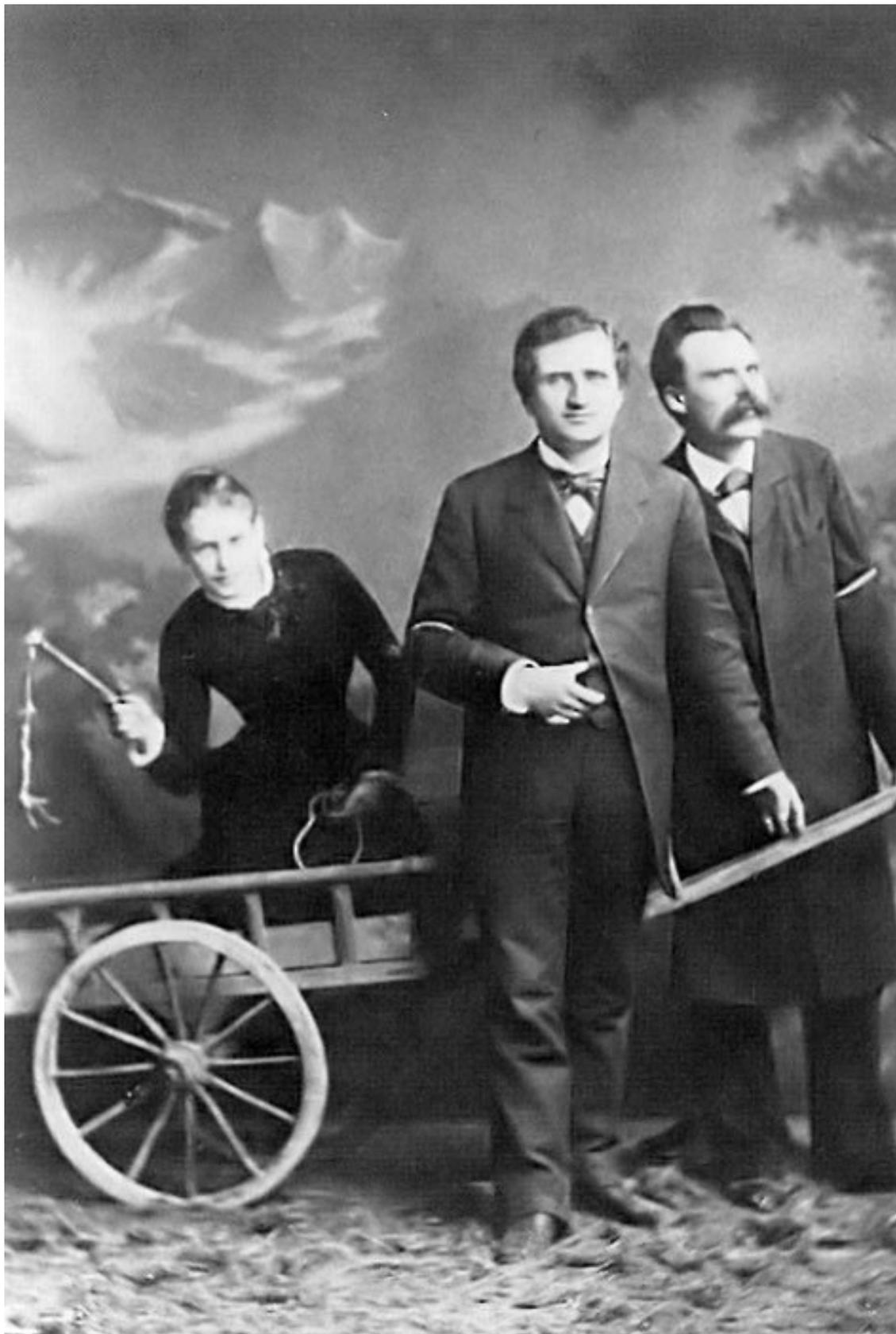
Booklist

* * *

*Без элемента жестокости в корне каждого зрелища,
театр невозможен.*

Антонин Арто

* * *

Шестнадцатого мая тысяча восемьсот восемьдесят второго года в фотоателье, расположенное в швейцарском Люцерне на Цурхер-штрассе, дом пятьдесят, вошли посетители.

Двое мужчин средних лет и молоденькая девушка сообщили владельцу заведения, фотографу Жюлю Боннэ, о том, что заключили важное соглашение и желают его увековечить –

сделать снимок в виде живой картины. Старший из мужчин, Фриц, отверг все предложенные хозяином варианты: он настаивал на совершенно определенных декорациях, и сам выбрал подходящий реквизит. В качестве фона для снимка использовали диораму горы Юнгфрау. Когда все было готово, трое посетителей замерли, и Боннэ, накрыв черным покрывалом себя и аппарат, щелкнул затвором.

Сделанной в тот день фотографии было суждено стать знаменитой – точнее скандально известной. О содержащихся в ней загадках споры ведутся уже более ста тридцати лет.

Глава 1

Вена, Австрия. Декабрь 1912 года

Воскресный день, сверкающее солнце, морозный воздух. Дамы и кавалеры укутаны в меха. По обе стороны Рингштрассе кафе с витринами, оформленными в стиле модерн. На пьедесталах застыли серые каменные фигуры знаменитых австрийских композиторов. Девушки под ручку неспешно прогуливаются взад-вперед, а на них глазают солдаты в шинелях. Студент-скрипач виртуозно исполняет Паганини, чуть дальше по улице цыган наяривает Штрауса, и под ноги ему летят монеты. Слышны шум и гул, разговоры и смех, громкое цоканье копыт конных экипажей; мелькают огни проносящихся автомобилей.

Две женщины торопливо шагают по Франценринг: мимо парка Фольксгартен к придворному театру в императорской резиденции Хофбург. Они разного возраста, но идут под руку будто мать и дочь.

Старшей даме пятьдесят один год, она невысокая, закутанная в тяжелую, вышедшую из моды русскую шубу. Это Лу Андрéас-Саломé – автор десяти книг и более чем полусотни статей, одна из самых известных интеллектуалок Европы. Впрочем, причиной известности служат не только написанные ею книги, но и давний роман с философом Фридрихом Ницше и долгая любовная связь с поэтом Райнером Марией Рильке. Она же роковая женщина с известной фотографии, сделанной, когда ей было двадцать один год: Лу держит кнут, сидя в телеге, запряженной парой мужчин – Ницше и его лучшим – на тот момент – другом, Паулем Ре.

Фрау Лу недавно приехала в Вену изучать психоанализ у доктора Зигмунда Фрейда; потом она планирует вернуться домой – в Гёттинген – и открыть там собственную психоаналитическую практику.

Ее спутница, она младше примерно на тридцать лет, – бывшая актриса-инженю и начинающая писательница Эллен Дельп. У нее четкие нордические черты и грива темно-русых волос, изящная фигура укутана в стильные меха. Хотя две дамы не родня друг другу, Лу сильно привязана к Эллен и представляет ее друзьям как приемную дочь.

Внезапно Эллен наклоняется к Лу и шепчет ей на ухо:

– Вон он, тот мужчина!

– Какой мужчина?

– Я вам говорила. Который следит за нами и бродит вокруг отеля.

– Ах, этот! Так давай выясним, что ему надо.

– Не надо с ним заговаривать!

Лу возражает:

– За мной и раньше следили, и мне это не нравится. Если у него ко мне дело, пусть подойдет и представится.

Преследователь, молодой человек едва за двадцать, понимает, что его заметили. Он на секунду застыл на месте, а затем пятится. Лу делает шаг в его сторону, но Эллен пытается ей помешать.

– Не надо!

– Вот еще!

Лу мягко высвобождает руку, затем решительно шагает вперед. Она уже имела дело с такими господами и знает: хотя бы след робости, – и слежка продолжится. Она не боится ни этого человека, ни кого-либо еще... она никогда никого не боялась.

Подойдя ближе, Лу замечает кое-что любопытное. Издалека их преследователь производит вполне respectable впечатление; но теперь очевидно, что одет он бедно: вытертый едва не до дыр костюм, разваливающиеся ботинки. Но сам он при этом чисто выбрит и дер-

жится прямо, усы чуть закручены вверх. Однако самое заметное – это глаза. Лу уже видела такой пылающий взгляд у одержимых ею мужчин.

Лу не может и подумать, что преследователь очарован юной и прелестной Эллен Дельп. Нет, она знает, пылкие чувства обращены к ней, Лу фон Саломе. Она не сомневается в этом – и оказывается права.

– Вы нас преследуете. – Она говорит ровно, без злобы и без сочувствия. – Мне это не по нраву. Будьте любезны, объяснитесь. А потом можете быть свободны.

Молодой человек бормочет, заикаясь:

– Я з-з-знаю, кто вы.

– Отлично. Я тоже знаю, кто я. Что вам угодно?

– Меня зовут...

– Неважно, как вас зовут. Зачем вы за нами ходите?

– Я просто...

– Да? – Не получив ответа, Лу добавляет: – Понимаю. Мое присутствие настолько ослепило вас, что вы утратили дар речи.

– Простите меня. Пожалуйста. Я сожалею.

– Разумеется, вы сожалеете. Как и положено навязчивому соглядатаю, которого поймали за руку.

– Даю слово...

– Да?

– Я не собираюсь причинять вам вред. Я просто хотел... поговорить. Если бы вы позволили мне представиться...

Лу резко его перебивает:

– Не здесь и не при таких обстоятельствах. Преследовать нас на улице – это недопустимо. Моя подруга говорит, что вы идете за нами от самой гостиницы. Если у вас есть, что мне сообщить, напишите надлежащее письмо и оставьте у портье. Если я решу, что встреча необходима, вам сообщат. Вы меня поняли?

– Да! Спасибо большое! Я так сожалею...

– Если вы и вправду сожалеете, принесите извинения в письменном виде. Будьте столь добры. И закончим на этом. – Она слегка улыбается. – А теперь уходите! Исчезните!

Юноша кивает и быстро уходит.

Лу поворачивается к Эллен, которая нерешительно топчется на месте.

– Полагаю, больше мы его не увидим. – Она потирает руки в перчатках. – Бр-р, ну и мороз. Зайдем в кафе? Я бы выпила горячего кофе и можно взять теплый штрудель.

Глава 2

Меня всегда привлекали идеи декаданса и порока, и именно они лежат в основе моих работ. Вот почему, едва оказавшись на пороге этого лофта, я поняла, что хочу здесь жить. Тому есть множество причин: высокие потолки, вид из окон, освещение – все вокруг заполнено ярким солнцем, расположение на верхнем этаже девятиэтажного офисного здания – памятника архитектуры в стиле ар-деко – в самом центре Окленда. Но, разумеется, самое главное – некоторые вещи прежней хозяйки.

Управляющий зданием, долговязый, улыбчивый американец китайского происхождения по имени Кларенс Чен обводит помещение рукой.

– Это все оставила мисс Шанталь Дефорж, профессиональная «госпожа», доминатрикс. – Он произносит это с явным удовольствием и многозначительно вздергивает бровь.

Насколько я понимаю, Кларенс флиртует со мной. Прекрасно – учитывая, как отчаянно я хочу получить эту квартиру.

– Практически перед самым отъездом Шанталь устроила тотальную распродажу, так что большая часть ее... оборудования... ушла. Вы бы видели, что за персонажи здесь бродили! Госпожи со своими рабами – чтобы было кому тащить покупки. Ну, а то, что не продалось, она все и оставила здесь. – Кларенс машет рукой в сторону гигантской решетчатой двери, закрывающей нишу в стене, превращая ее в клетку. Решетка перекошена и висит на одной петле.

Потом Кларенс показывает на противоположную стену и деревянный крест в форме буквы «Х»:

– Она называла это крестом святого Андрея.

Я все еще рассматриваю клетку.

– А что с дверью?

– Возможно, один из «пленников» вырвался на свободу. – Кларенс явно гордится своим остроумием. – Если вы решите жить здесь и захотите избавиться от всего этого барахла, я позову сварщиков, чтобы срезали решетку. И штукатура – заделать дырки. Ничего не менял, вдруг новый жилец захочет оставить все как есть. – Он ухмыляется с намеком. – Вот вам, похоже, все это нравится.

Кларенс прав – я заинтригована. Мысль о том, чтобы жить среди этих вещей, пугает и в то же время притягивает меня. Поэтому я говорю Кларенсу, что, если я все-таки надумаю снимать этот лофт, можно будет оставить все как есть.

Он показывает кухню-столовую («самое современное оборудование»), спальню («смотрите, какое потолочное окно – можно любоваться звездами») и огромный встроенный гардероб.

– Так говорите, вы актриса, мисс Беренсон?

– Актриса, да. Performance artist.

– Мне нравятся люди искусства. Из вас хорошие жильцы, куда интереснее, чем из счетоводов. – Он хихикает. – Шанталь тоже была своего рода художником. По крайней мере, так она утверждала, хотя я не видел ни одной ее работы. – Кларенс переходит на деловой тон. – Аренда – тысяча семьсот пятьдесят долларов, включая коммунальные платежи. Полагаю, вас это устроит?

Я почти перестаю дышать.

– Думаю, да.

– Так что, по рукам?

– Да!

Из-за экономического кризиса офисный рынок в центре Окленда на спаде, и предприимчивые домовладельцы превратили пустующие кабинеты в лофты. А поскольку я совсем недавно получила стипендию Холлиса, то такая аренда теперь мне по карману.

Стипендия Холлиса для женщин сферы искусств (художниц, писательниц, хореографов, актрис), также известная как «награда для мини-гениев» – чтобы не перепутать с более известной и престижной стипендией Макауртура, – это пятьдесят тысяч долларов в год, которые выплачивают пять лет. Единственное, что требуется от лауреата, – посвящать все свое время творчеству. Поскольку стипендию дают только женщинам, считается, что таким образом поощряют феминистические настроения. Меня это не смущает, так как все мои перформансы так или иначе про женщин.

Я все еще взволнована и благодарна этой награде – это явно событие, меняющее жизнь. За последние несколько лет мне чем только не приходилось заниматься: я торговала хот-догами, работала ночным сторожем – не брезговала никакой работой. Стипендия избавила меня от этого: теперь есть время на творчество и возможность арендовать место для работы.

Мне даже не приходит в голову торговаться. Кларенс предложил сказочные условия: в Сан-Франциско пентхаус такого уровня обошелся бы в три раза дороже.

По дороге к скрипучему лифту, Кларенс обратил мое внимание на надпись на арке между прихожей и гостиной: «Если *не* можешь дать счастья – дай мне свою боль! Лу Андреас-Саломе».

– Сделано по заказу Шанталь. Она сказала мне, что Лу Саломе была знаменитостью.

– Совершенно верно. И фраза очень известная, Ницше даже положил ее на музыку. И вполне подходит для доминатрикс.

– Какая вы умная! – говорит Кларенс. – Шанталь вот тоже была интеллектуалкой. – Он кивает на встроенные книжные полки в прихожей, теперь пустые. – У нее была масса книг. У вас и ученая степень есть? – Я киваю. – Калифорнийский университет? А специальность?

– «Театр, танцы и исполнительское мастерство».

– А у меня «Виноградарство и виноделие». Филиал в Дейвисе. Хотел работать в винодельческой отрасли. И посмотрите на меня – управляющий зданием!

Лампочка в лифте то горит совсем тускло, то вспыхивает; кабина двигается то быстрее, то медленнее и, наконец, рывком тормозит.

Мы идем через холл первого этажа. Кларенс не умолкает:

– Какие здесь светильники! А потолок, лепнина! Мне говорили, что этот вестибюль стоил немалых денег.

Мы спускаемся в офис Кларенса, расположенный на цокольном этаже, по дороге он рассказывает, что дом принадлежит его двоюродной бабушке Эстер, старой китаянке из Ванкувера:

– Она приобрела его в качестве инвестиции. И отдала мне в управление, так что именно я решаю, кто здесь будет жить. – Кларенс искоса бросает на меня короткий взгляд. – А я выбираю только тех людей, которые мне нравятся.

– Мне очень приятно это слышать, Кларенс. Учитывая, что мы только-только познакомились.

– Ну, я надеюсь, вы в этом убедитесь.

Он распечатывает договор, и мы оба его подписываем, я передаю ему чек, и мы пожимаем друг другу руки.

– Если по какой-то причине вам здесь не понравится, сообщите за месяц. Шанталь так и сделала. – Помолчав, Кларенс добавляет: – Она прожила здесь всего год. А потом почему-то решила расторгнуть договор. Совершенно внезапно. Устроила распродажу, съехала и не оставила адреса. Сказала, если ее будут спрашивать, говорить всем, что заболел родственник и

она переехала в другой город. Мне ее недостает. Она такая красивая. Изящная. Внешне совершенно спокойная и сдержанная. Хотя мне казалось, что внутри у нее всегда буря. Она называла лофт своей твердыней. И на карточке над домофоном написала: «Орлиное гнездо». – Он улыбается. – Полагаю, это было своего рода предупреждение для клиентов: чтобы знали, что их ждет. Говорила мне, что любит запустить когти в человека... и держать.

Я повторяю про себя: «Орлино гнездо», – звучит как-то слегка по-фашистски.

– Ладно. Если вам что-нибудь понадобится, Тесс, звоните в любое время.

Как мне повезло с управляющим, даже не верится! Говорю ему, что завтра начну перевозить вещи и переселюсь к концу недели.

Конец апреля: дожди прекратились и в воздухе пахнет весной. Солнце жарит уже вовсю, от залива веет свежестью, кругом ароматы полевых цветов, а фруктовые деревья окутаны белым цветом. Возможно, дело в моем богатом воображении, но сегодня даже хмурые лица бродяг, толпящихся перед пунктом выдачи бесплатной марихуаны, стали чуточку более довольными.

Следующие несколько дней полны забот. Я покупаю мебель: кровать, черный кожаный диван и пару кресел, дизайнерский кофейный столик из черного дерева и ковер в черно-белую клетку.

Представляю, как аскетично обставлю угловую комнату: рабочий стол, стойка с микрофоном, видеоаппаратура; оставляя свободным пространство темного паркетного пола для репетиций.

Студенческая служба перевозки доставила книги, кухонную технику, посуду, папки с материалами и сценические костюмы со склада в Беркли – все это сейчас сгружено кучей в центре гостиной. Среди вещей я отыскала четыре огромных рисунка, напоминающих чернильные пятна из теста Роршаха, и отнесла их в багетную мастерскую. Я «создала» их лет десять назад за одну ночь, в пустой студии на втором этаже Института современного искусства в Сан-Франциско. Сперва мы там занимались любовью с моим тогдашним бойфрендом и однокурсником, затем курили травку. Потом он обмазал чернилами мое голое тело, а я легла на сложенные пополам полотна, принимала разные позы. После мы осторожно прижали к заляпанной краской ткани вторую чистую половинку, чтобы изображение отпечаталось и получилось симметричным.

Я целыми днями бегаю туда-сюда, наталкиваюсь на других жильцов и сотрудников из офисов на нижних этажах. Здесь много китайцев – в деловых костюмах, с зачесанными назад черными волосами. Знакомлюсь с пожилой дамой-ювелиром и с супружеской парой, владельцами магазинчика, где они торгуют кожаной одеждой собственного производства. Все ведут себя очень дружелюбно.

В лифте я дважды наталкиваюсь на парня в заляпанном комбинезоне: около сорока, темноглазый, в черной вязаной шапочке, из-под которой торчит хвостик темных волос, схваченный засаленной резинкой. Когда мы сталкиваемся второй раз, я интересуюсь, указывая на пятна краски, измазался ли он при работе. Он кивает, и тогда я спрашиваю, сможет ли он кое-что подновить у меня в лофте.

Мужчина бросает на меня насмешливый взгляд:

– Краски – это конечно моя работа, но несколько в ином смысле.

– Ой, так вы художник? Простите!

Он смеется.

– Да все в порядке. Я и правда умею красить стены, клеить обои, ремонтировать электрику, даже со сваркой справлюсь. Так что, да, я сам считаю себя скорее мастером на все руки, а не художником с большой буквы. – Он присматривается ко мне. – Новенькая?

Киваю и говорю, что сняла пентхаус.

– Был там пару раз. Прекрасный вид из окон. Леди, которая там прежде жила, так стремительно съехала, что даже не попрощалась.

Лифт останавливается на шестом этаже.

– Ну, я приехал. Кстати, я Джош.

– А я Тесс.

– Добро пожаловать, Тесс.

Пока двери лифта закрываются, я читаю на спине его комбинезона надпись «Долой халтуру!».

В среду утром я еду в Беркли на встречу с доктором Мод – пришло время для очередного еженедельного сеанса психотерапии. Сегодня я нуждаюсь не только в терапии, но и в хорошем совете. Пора сказать моему бывшему бойфренду – который еще не знает, что он бывший – о том, что я сняла студию в Окленде не просто как место для работы, но и как новое жилье. Хотя мы оба более или менее признали, что нужно расстаться, он не ожидает, что я съеду так скоро. Я опасаясь его реакции, поэтому оттягиваю разговор. Надеюсь, доктор Мод посоветует, как справиться со страхом предстоящего скандала.

Мод Джейкобс принимает пациентов в кабинете прямо над галереей прикладного искусства в Сан-Пабло, всего в паре кварталов от академии боевых искусств, где я занимаюсь тайским боксом. Люблю утро среды: сначала я хожу изгонять демонов – час страданий с мозгом, а потом гоняют меня до седьмого пота – час страданий с сенсеем.

Кабинет доктора Мод не похож на стерильные помещения киношных врачей. На стенах чего только нет: плакаты с рок-концертов шестидесятых, рисунки ее внуков, мексиканские маски. Всегда найдется что-нибудь, что разбудит цепочку ассоциаций. Мод говорит, что эти вещи помогают ей чувствовать себя как дома и что у ее кумира, Зигмунда Фрейда, все столы и полки были заставлены всякими античными артефактами.

Мод Джейкобс – невысокая полная женщина и очень прямолинейная в общении, про себя она говорит: «хиппи, внезапно ставшая психоаналитиком неофрейдистского толка». В Беркли таких мало – в основном в этом городе сторонники Юнга. Впрочем, когда я выбирала себе врача, подход интересовал меня в самую последнюю очередь. Куда важнее было отношение доктора Джейкобс к проблемам пациентов и способность к сочувствию.

– Так Джерри не знает, что вы съезжаете? – спрашивает она.

Как всегда, голос Мод полон сочувствия. Она сидит откинувшись в потертом глубоком кресле; мягкие карие глаза смотрят прямо на меня. Простая стрижка без укладки, пробивающаяся седина – все говорит об отсутствии самолюбия. О том же свидетельствует и ее выбор одежды, так что если попытаться ей сделать комплимент, она реагирует всегда одинаково: «достала первую попавшуюся шмотку из шкафа».

– Он знает, что я собиралась, – отвечаю я. – Мы говорили об этом. Но, полагаю, он считает, что мне не хватит решимости.

– Довольно странно. Он же знает про лофт?

– При всей своей гениальности, Джерри иногда бывает до ужаса тупым.

– Можете объяснить, что вам особенно в нем не нравится?

Я задумываюсь.

– Пожалуй, его сарказм. Британские манеры, которых он нахватался, пока писал докторскую в Оксфорде. Эта интонация завсегда у университетского дискуссионного клуба; радость, когда удается подколоть собеседника. А когда он обращается ко мне, порой такое впечатление, что он чистит лимон... и этот лимон я. Не перевариваю... бесит!

Доктор Мод смеется.

– Мне нравится ваша злость, Тесс. Скажите ему то же самое при встрече.

– Понимаете, мне никогда не удастся победить в перепалке. Он слишком умный, у него очень хорошо подвешен язык. Никакого шанса.

– Разрыв отношений – это не просто спор. Если вы уйдете, то уже победили. Победа будет за Джерри, если он вынудит вас остаться.

Я заверяю ее, что твердо намерена уйти:

– Мы разлюбили друг друга, и секс с ним мне больше не нравится.

Доктор Мод всякого наслушалась про нашу с Джерри сексуальную жизнь, про то, как нас неодолимо потянуло друг к другу, едва мы познакомились. Но за последние несколько месяцев она много слышала и об угасании этого влечения.

– Он очень привлекателен, но больше меня к нему не тянет. Я уже и не понимаю, почему раньше тянуло.

– Прежде вы реагировали на его внешность и чувственные впечатления. Сейчас – на особенности личности. Учítывая, как он ведет себя с вами... Думаю, когда вы уедете, он испытает облегчение. Ну, если не считать удара по самолюбию. – Она вздыхает. – Вы же знаете, Тесс, я не люблю давать советы, мы здесь совсем для другого встречаемся, но сегодня я сделаю исключение. Полагаю, стоит объясниться с ним немедленно. И быть готовой сразу собрать вещи и уехать.

Именно в таком совете я и нуждалась, поэтому настроение сразу улучшается. Доктор Мод часто оказывает на меня такое воздействие. Были ситуации, когда я подвергала сомнению ее оценку ситуации, однако я никогда не сомневалась в ее способности мне помочь. Она психоаналитик, а не личностный консультант, – но все равно, у нее получается внушить мне оптимизм и вдохновить на борьбу с внутренними демонами.

В тренировочном зале я переодеваюсь в спортивный костюм и делаю разминку: скакалка, бой с тенью – а потом надеваю перчатки и иду работать с грушей.

Сначала я занималась аэробикой. Потом друзья посоветовали пойти на тайский бокс в качестве кардионагрузки. Удары стопой, коленом, комбинации ударов – все это помогает держаться в форме. Позднее, наблюдая за спаррингами, я заинтересовалась техникой контактного боя. Я все еще новичок и не готова к настоящему поединку, однако спарринги меня бодрят. Я обнаружила, что мне нравится бить и – к собственному немалому удивлению – что получать удары мне тоже нравится. Что-то в этом есть возбуждающее: обмен ударами с противником, борьба, стремление победить.

Тем не менее, сегодня я сосредоточена на работе с грушей. Представляю ли я, что передо мной Джерри? Пожалуй, да.

Через час, пропотевшая, со сбитыми стопами и костяшками пальцев, я принимаю душ, одеваюсь и иду выяснять отношения.

В отличие от большинства преподавателей университета, Джерри Хансекер богат. Он унаследовал неплохое состояние от отца, который разбогател на оклахомской нефти. Так что Джерри мог позволить себе купить дом в районе Беркли-Хиллс. Посторонный из камня, красного дерева и стекла, дом удачно был вписан в пейзаж и располагался на самой вершине холма. Высоченные потолки, паркетный пол, в гостиной большой камин с гранитной облицовкой. В окнах, как в рамке, – изумительные пейзажи.

Когда Джерри предложил мне переехать к нему, я не могла и подумать, что однажды захочу уехать. Но сегодня, после разговора с доктором Мод, я знаю, что скучать по этому дому не буду – он слишком явно говорит о безжалостном изысцестве своего хозяина.

Уж лучше лофт в Окленде, где прежде жила доминатрикс, чем этот алтарь поклонения блистательному эго великого Джерри.

Как мало, оказывается, здесь моих вещей! Час на сборы, – и я вытаскиваю три чемодана с одеждой и четыре картонные коробки книг и набросков. Ставлю все к самому входу – чтобы Джерри, как только войдет в дом, сразу понял, что происходит.

Я ложусь на диван в гостиной, закрываю глаза и жду его появления.

Должно быть, я задремала – его голос, донесшийся из прихожей, заставляет меня подпрыгнуть.

– Так ты, наконец, покидаешь меня, любимая? Я смотрю, все готово.

Сон слетает. Я сажусь.

– Привет, Джерри.

– Привет-привет.

Он склоняется надо мной: во взгляде обида, на лоб упала прядь седых волос. Я не нахожу, что сказать, а Джерри, заметив мою заминку, презрительно кивает. На нем сшитый на заказ спортивный пиджак, один из многих в его гардеробе, а английские туфли ручной работы ослепительно сверкают.

– Покидаю, – подтверждаю я, стараясь скрыть дрожь от того, что он навис надо мной. – Не хочу сбежать от тебя тайком.

– Какая храбрая девочка!

Снова эта ирония. Хотя похоже, что сейчас это просто попытка сохранить самообладание. Джерри садится и смотрит мне прямо в глаза, его голос слегка подрагивает.

– Я ждал этого, Тесс. Каждый день, подъезжая к дому, я спрашивал себя: «Сегодня? Или еще нет?» Ну, и вот... Кажется, в самом деле сегодня.

– Мне нелегко далось это решение.

– Разумеется. Но лучше бросить самой, чем быть брошенной, верно?

Я слышу, что он нервничает, но молчу и жду, что будет дальше. От следующей фразы Джерри у меня перехватывает дыхание:

– Интересный эффект от полученной тобой стипендии. Впрочем, этого стоило ожидать.

– Я бы в любом случае ушла. У нас все шло наперекосяк.

– И все же...

– Что?

Он улыбается.

– Не сказать, что ты получила ее совсем уж без моего участия. Стипендию, я имею в виду.

– На что это ты намекаешь? Ты дал кому-то взятку?

Джерри приподнимает брови.

– Взятку? Мне достаточно было сказать кое-кому из знакомых, чтобы они обратили внимание на твою работу. Они обратили, – и ты получила стипендию. Разумеется, я от тебя ничего не требую. И не намерен принижать твои достижения.

Мне хочется закричать. Как же злобно он пытается меня унижить! И как много это говорит о его характере! Подначки, подколки и насмешки, тщательно продуманные и вовремя сказанные, – я просто не могу этого терпеть! Хочется высказать ему все. А еще добавить, что вся его научная работа: скрупулезный критический разбор книг, стерильные исследования в области французского антиромана, в которых нет страсти или хотя бы интереса, – все это никому не интересно, никому нет дела.

Зачем только я связалась с мужчиной на двадцать лет меня старше? С ним я и сама чувствую себя старой.

Да, можно все это ему сказать. Но толку-то... Только давление подскочит. А потом он начнет выкрикивать оскорбления: он прежде уже называл меня «тупой сукой» и «идиоткой». Возможно даже ударит – хотя в тот единственный раз, когда он поднял на меня руку, я предупредила его о последствиях. Но кто знает, остановит ли это его сегодня? Потом мы затеем безобразную потасовку, а в итоге я еще и окажусь виноватой...

И поэтому я решаю оставить все как есть, не психовать и распрощаться с достоинством. Он хочет вывести меня из равновесия, пошатнуть уверенность в себе. Он просто пытается спровоцировать меня на ссору. Я буду его игнорировать. Пойду к телефону и вызову такси – подожду машину снаружи. Просто попрощаюсь и уйду. Пусть остается один в своем величественном доме, пусть сотрет со щеки злую слезинку, или может даже скупую слезу раскаяния... Именно так я и поступаю.

* * *

Следующие несколько дней я наслаждаюсь свободой. Голова кристально ясная, с плеч будто гора упала.

Я свободна. Я сумела уйти. Без скандалов и в тот момент, когда мне этого захотелось.

Сейчас я хочу вернуться к работе и доказать – себе и всем, – что достойна стипендии, что дело не в том, что Джерри кого-то там знает. Понимаю, что он просто хотел посеять во мне неуверенность в себе, но я не позволю ему этого сделать.

Утром я звоню Луису Суэйру – моему другу и аккомпаниатору – и приглашаю его прийти обсудить музыку для новой постановки.

– Будешь первым гостем на новом месте. И захвати виолончель, хочу кое-что попробовать.

Чуть позже в холле я сталкиваюсь с Кларенсом.

– Вы что-то говорили о сварщиках. Дадите контакты?

– Решили убрать решетку?

– Нет, она мне нравится. Но нужно отремонтировать дверь в «камеру».

– В доме живет парень, который с этим справится.

– Джош с шестого этажа?

– А, вы уже знакомы?

– Встречались. Думаете, он сможет?

– А почему, собственно, нет? Он же их сперва и поставил. – Кларенс ухмыляется. – Это был заказ Шанталь, по крайней мере, так она мне сказала. Причем, насколько мне известно, он не взял с нее денег. Могу только предполагать, по какой причине.

Вот это уже интересно...

Джош говорил, что был в пентхаусе «пару раз»; учитывая информацию от Кларенса, это явно преуменьшение. А об отъезде Шанталь без предупреждения Джош высказался как бы мимоходом... Похоже не хотел откровенничать. Хотя, с другой стороны, – мы просто столкнулись в лифте, с какой стати ему со мной откровенничать?

Я спускаюсь ко входу в здание и просматриваю список имен. У звонка апартаментов 6-С стоит имя Дж. Гарски. Я оставляю под его дверью записку с вопросом, возьмет ли он работу.

Название моего нового проекта – «Монолог». Я задумала его, разглядывая в светской хронике фотографии богатых женщин, поддерживающих множество прекрасных культурных организаций города. Я сыграю всего одно выступление, а публика будет будто бы моими «богатыми друзьями». Я, в облике некоей миссис Z, устрою для них музыкальный прием в своем огромном доме, представляя очередную восходящую звезду – ее изобразит Луис. После его выступления я встану и обращусь к публике. Начну с комплиментов исполнителю и благодарности гостям, а затем разражусь монологом, который поначалу будет казаться разумным и осмысленным, постепенно становясь все более бессвязным и жалким. Мое выступление закончится нервным срывом, истерикой и потоком слез. У меня много идей, что и как я произнесу,

какой сделаю макияж и что надену. Самым сложным будет найти помещение, подходящее для такого перформанса.

Я обзваниваю друзей, особенно тех, с которыми редко виделась, потому что их не одобрял Джерри. Сообщаю о нашем разрыве, о полученном гранте и о том, что работаю над новым проектом.

– Мне нужно место для выступления, – говорю я каждому. – Большой зал, скажем, где-нибудь на Рашен-Хилл – или, возможно, в одном из тех особняков в Си-Клифф. Не знаешь, может кто-нибудь согласится сдать мне дом на вечер? Много я заплатить не могу, но хозяйка может расослать приглашения собственным знакомым тоже. Поспрашивай, пожалуйста.

* * *

Луис Суэйру принес с собой свою странную электро-виолончель, которая больше напоминает оружие, чем музыкальный инструмент: плоская, вытянутая, непривычной формы. Мне он аккомпанирует именно на ней, но для «Монолог» она не подойдет. Если спектакль состоится, нужна акустическая виолончель.

– Будешь изображать музыкальное дарование, – говорю я.

Собственно, Луис и есть музыкальное дарование – в прошлом. Что он только ни исполнял: классику, рок, танго, джаз. Высокий, худой, с бритой головой и будто рублеными чертами лица, он прикрывает глаза и сдержанно кивает, демонстрируя полную готовность сыграть все, что потребуется.

Я объясняю ему свою задумку:

– Я играю миссис Z, великосветскую даму, вдову шестидесяти семи лет с явными следами пластики на лице. Ей нравится изображать из себя значительное лицо, уважаемую покровительницу искусств. Она пригласила на музыкальный вечер друзей – послушать выступление своего протеже, молодого талантливого виолончелиста, чью карьеру она взялась развивать.

– А, то есть это в прямом смысле концерт. Ты поэтому хочешь, чтобы я играл на акустике?

– Именно! Ты начинаешь соло на виолончели, потом вступаю я. Потом я умолкаю в слезах, а ты стараешься сгладить ситуацию.

– Понял, это как на церемониях награждения, когда актриса говорит благодарности слишком долго? Оркестр играет несколько нот, и если она не замолкает, то они играют уже в полную силу, выпроваживая ее со сцены.

– Да, и потом у меня случается срыв. Я убегаю со сцены, а ты начинаешь играть что-то тревожное и безумное. Чтобы душу выворачивало. – Я обнимаю его. – Мне так нравится работать с тобой, Луис. Не знаю, сколько мы заработаем, но, как всегда, доходы пополам.

Внезапно мне звонит Грейс Ви – на первом курсе мы жили в одной комнате. Сейчас она замужем за финансистом, который совершил несколько прибыльных сделок, вложившись в интернет-стартапы. Они недавно купили старинный особняк в Пресидио-Хайтс, а Грейс узнала, что я разыскиваю место для своего перформанса.

Услышав описание дома, я прихожу в восторг. Ровно то, что надо: огромный бальный зал на первом этаже.

– Ты правда разрешишь мне его использовать?

– Конечно, – уверят Грейс, – поэтому и звоню.

Я рассказываю, что собираюсь ставить. Особое впечатление на Грейс производит финальный срыв миссис Z.

– Я знаю этот тип женщин, – замечает она. – У нас ложа в опере, мы постоянно за такими наблюдаем – люди, чьи фотографии публикуются на страничке светской хроники местных газет.

– Да, это именно про них.

Она колеблется.

– Н-ну... Возможно, я смогу пригласить на представление несколько зрителей такого типажа. Они смотрят на Сайласа и меня как на выскочек, но если я их приглашу, – придут и за входной билет заплатят. Они бы хотели, чтобы мы участвовали в их организациях. – Она хмыкает. – Наше происхождение им не по нраву, а вот наши деньги – очень даже.

Мы договариваемся встретиться и пообедать, а потом осмотреть ее дом.

Вечером Джош Гарски приходит с инструментами и сварочным аппаратом – ремонтировать дверь клетки. На нем все та же вязаная шапочка из черной шерсти. Я приветливо здороваюсь, он односложно отвечает. Быстро обводит взглядом помещение, натывается взглядом на мои чернильные картины, подходит ближе и некоторое время рассматривает. Затем кивает, идет к решетке, опускается на колени и принимается за ремонт сломанной дверной петли.

Я внимательно его изучаю.

– Это ведь ты соорудил камеру? – Снова кивок. – Кларенс сказал.

– Само собой, Кларенс. Кто еще сует свой нос во все щели?

– Он милый.

– Я разве спорю?

– А каким образом могла быть выломана петля.

– Как я слышал, во время распродажи подружка Шанталь хотела купить дверь, чтобы сделать у себя такую же клетку. Они пытались выдрать ее домкратом. Когда не получилось, просто оставили все как есть.

– А тебя здесь не было?

– Я уезжал в Лос-Анджелес, к детям. Когда вернулся, Шанталь уже съехала.

– Какая она была, Джош? – спрашиваю я, и он озадаченно поворачивается. – Если ты соорудил для нее все это, то, должно быть, хорошо ее знал.

– Она не из тех людей, которых можно хорошо знать. Таких как она понять сложно.

– То есть?

– А ты любопытная... – Я киваю. – Ну, само ее имя, Шанталь Дефорж. Псевдоним, скорее всего. А как ее звали на самом деле? – Он пожимает плечами. – Я не знаю. Полагаю, никто из ее друзей не знал.

– Это необычно.

– Она и сама – необычная. Достаточно посмотреть на ее вещи. Шанталь говорила, что испытывает от всего этого наслаждение.

С тех пор как я въехала, то и дело ловлю себя на фантазиях о том, что происходило здесь прежде. Воображение рисует яркие картины: стоны наслаждения и боли; цоканье высоких каблуков; обнаженные рабы, ползающие у ног госпожи; бандаж, трости, плети, аккуратно и угрожающе разложенные на столе; щелчок наручников, запах кожаных масок и человеческого пота. Во всех этих картинах есть что-то непристойное, – но и влекущее.

Мне нравится исследовать отклонения. Один из моих спектаклей – замысловатая история убитой проститутки в сопровождении песен эпохи Веймарской республики. Именно этот перформанс и принес мне некоторую известность. Такое же ощущение притягательности порока побудило меня сохранить в лофте решетку и настенный андреевский крест.

– Не думаю, что женщина бы стала госпожой, если ей такое не по нраву.

Джош выключает сварочный аппарат и поворачивается ко мне.

– Если верить Шанталь, некоторым нравилось, некоторым нет. Иногда этим занимаются попросту ради денег. – Он некоторое время молчит. – Ты хотела знать, какая она? Красивая, образованная, воспитанная. Профессионал в своем деле, говорила, что она работает в сфере сексуальных услуг, но собственно сексом с клиентами не занималась. Не знаю, где она сейчас

и чем занимается, однако я совершенно уверен: у нее все отлично. Она распродала все свои вещички, а потом очень быстро уехала, – похоже, решила начать новую жизнь.

Как и я.

– Готово. – Джош встает и дергает, проверяя, отремонтированную дверь. – Попробуй.

Толкаю решетку туда-сюда.

– Тяжелая.

– Ну, так это сталь. – Он поворачивает в замке ключ. – Посади сюда кого-нибудь, запри, – и никуда не денется.

Я протягиваю чек, и Джош вслух читает мое имя:

– Тесс Беренсон. Интересно было бы посмотреть твои спектакли. – У входной двери он мнетя, потом все же говорит: – Не стоит просто так развлекаться с этой камерой. Люди нервничают, если их запирают. Но если тебе нравятся такие игры... ну, наслаждайтесь!

В этот момент Джош похож на официанта, расставляющего тарелки. Он коротко ухмыляется и идет к лифту.

Доктор Мод внимательно слушает, как я описываю ей сцену с Джерри.

– Вы все сделали правильно. Думаю, год назад вы бы сорвались, а сейчас смогли побороть себя и не наделать глупостей. Умница.

Я говорю ей, что не чувствую, что с Джерри покончено. Наоборот, радость, которую я испытала в самом начале, очень быстро привела к депрессии. Разрыв теперь воспринимается мной как личная неудача, в которой я виновата не меньше, чем он.

– Вы просто оплакиваете свою любовь, Тесс. Со временем вы сможете смотреть на вещи здраво, и когда-нибудь, возможно, вы станете друзьями. Пока же вы делаете все правильно – погружение в работу вам поможет.

Я описываю «Монолог»; она слушает меня очень внимательно.

– Крайне интересная идея. В меру серьезного и сатирического. Думаю, не надо делать миссис Z слишком мерзкой. Сделайте ее объемной. Да, в ней много эгоизма, самолюбования; да, она плохо разбирается в жизни. Однако когда она сорвется, пусть зрители не испытывают злорадства. Тогда получится героиня, которая одновременно внушает отвращение и жалость.

Глава 3

Вена, Австрия. Январь 1913. Идет снег.

«Ронакер», уютная венская кофейня в пору ее особой популярности среди окружения Зигмунда Фрейда.

В кафе послеобеденное затишье, и большинство маленьких отделанных мрамором столиков пусто. Со сводчатого потолка свисает пыльная хрустальная люстра. В воздухе плывет смешанный аромат кофе, шоколада и табачного дыма. В подставке аккуратно выложены газеты. В нише – бильярдный стол. Черно-белый кот вынюхивает на полу объедки.

Напряженный молодой человек – именно он преследовал Лу Саломе на Франценринг – сидит за столиком и что-то рисует на листе картона. Папка с акварелями спрятана под стул – подальше от глаз. На нем все тот же старый костюм, шейный платок и пара драных туфель. Каждый раз, когда звенит дверной колокольчик, он с надеждой оборачивается. И каждый раз разочарованно возвращается к рисунку.

Наконец входит Лу. На ней все та же меховая шуба. Едва молодой человек видит женщину, он прячет рисунок, порывисто поднимается и уже не отводит взгляда, от которого ей не по себе.

– Добрый день, фрау Саломе. Большое спасибо, что согласились прийти, я очень признателен. И, если честно, слегка удивлен.

Она хмурится.

– Вы полагали, я не приду?

– Что вы! Ну, конечно, я не сомневался, что придете. То есть я хочу сказать, что...

– Вы послали мне вежливую записку с извинениями. Я пришла. Куда лучше вести себя деликатно и ненавязчиво, чем гоняться по улицам за замужней дамой среднего возраста.

– Еще раз, простите меня. Я... я не знаю, смогу ли объяснить.

Она останавливает его взмахом руки и подзывает официанта. Он приветливо кланяется и она заказывает кофе по-венски.

– А теперь расскажите, – обращается она к молодому человеку, – что я могу для вас сделать?

– Я надеялся, вы согласитесь со мной побеседовать.

– На какую-то определенную тему?

– О, их так много.

– Вы просили о встрече. Так объясните, зачем. Или, как говорят в определенных кругах, выложите, наконец, карты на стол.

– Карты?

Он смотрит на акварель, затем на папку у своих ног. Ему так хочется открыть ее и показать гостье то, что находится внутри. Он кладет папку на стол, так, чтобы она видела, – а потом решает начать издали.

– Думаю, вы меня не помните... Но в день вашего приезда на вокзале Вестбанхоф мы столкнулись лицом к лицу. У вас был большой багаж. Я хотел предложить помощь, но вы уже окликнули носильщика. Я пытался продать вам свою акварель. – Он хлопает ладонью по папке. – Дама, с которой вы приехали, остановилась на минутку посмотреть рисунки, – а вы сразу ушли.

– Наверно, я думала о своем.

– Но кажется я заметил презрение.

– Чушь! Я никогда не держусь пренебрежительно, особенно с незнакомыми людьми. Мы торопились в отель – хотели быстрее разобрать багаж и отдохнуть.

– Вам нравится в «Зите»? – Он видит ее улыбку. – Ну, да, нелепый вопрос.

– Отель хороший. Расположен близко к нужному мне месту.

– Простите?

– Вряд ли вас это касается. Но, поскольку вы ходили за мной, я подумала, что вы уже знаете.

– Вы берете уроки у господина, который пишет о сексе.

Лу смеется.

– Ну, можно и так сказать. – Она вздыхает. – Вы просили о встрече, так что, пожалуйста, объяснитесь. Я постараюсь вам помочь. А если это не в моих силах, скажу прямо.

– Я надеялся, что вы согласитесь обсудить мои работы. Можете посмотреть?

Лу знаком просит передать ей папку. Берет, пролистывает содержимое, затем решительно захлопывает и возвращает.

– Вам требуется мое мнение?

Судорожный кивок. Понимая, как легко нанести рану, она старается выбирать более мягкие формулировки.

– О таком принято высказываться вежливо и сдержанно, но я считаю, что всегда лучше говорить правду.

Снова кивок, и молодой человек замирает, словно ожидая удара.

– Скажу откровенно: ваши работы не вызывают у меня никаких чувств. Милые, приятные изображения знаменитых зданий, тихих улочек и площадей. Вероятно, такие этюды могут быть интересны туристам. Но они не говорят мне ничего нового ни об этих местах, ни, что куда важнее, о человеке, который их написал. – Лу пристально смотрит на собеседника. – Вижу, вы расстроены. Я не хочу вас задеть. Не сомневаюсь, вы очень старались, и эти работы многое для вас значат. Если они ничего не говорят мне, вероятно, скажут кому-то другому. И давайте на этом остановимся.

– Но... позвольте объяснить, что я пытался пере...

– Искусство должно само говорить за себя. Не хочу быть грубой, но ваше творчество – не из тех работ, которые я желаю обсуждать. Думаю, сказанного довольно.

Он склоняет голову:

– Спасибо, что потратили на меня время.

Лу испытывает облегчение – молодой человек ведет себя куда тактичнее, чем можно было предполагать, судя по потрепанной одежде, и воспринимает критику куда лучше, чем она ожидала.

– Это просто мнение. Должна добавить, что восхищаюсь людьми искусства и мужеством, с которым они представляют свои работы на всеобщее обозрение.

При слове «мужество» он оживляется. Внимательно наблюдая за ним, Лу понимает, что это качество, которое он в себе действительно ценит.

– Полагаю, переубеждать вас бесполезно?

Она мягко улыбается.

– Чтобы вызвать мой интерес, вы должны работать в совершенно иной манере. Вряд ли вам захочется.

– Не понимаю.

– Я объясню. Однако прежде скажите, почему мое мнение так значимо для вас?

– Очень значимо, фрау Саломе. Я сразу вас узнал – там, на вокзале. Вот почему ходил следом. Потом, в Императорской опере, я поймал ваш взгляд, точнее, взгляд вашей подруги, – в тот день давали «Парсифаль». У меня было стоячее место, как всегда, а вы прошли мимо к своим креслам. Думаю, та, вторая дама, узнала меня.

– Она мне ничего не говорила.

На самом деле в тот вечер мы были в театре вдвоем, вспомнила Лу. Эллиен, она сама и психиатр доктор Виктор Тауск, еще один ученик Фрейда, с которым она подружилась и надеялась на роман. Художник явно избегает упоминать третьего участника компании. Он и в самом деле не заметил Виктора – или проигнорировал его, считая, что присутствие другого мужчины не имеет значения?

Молодой человек продолжает описывать встречу:

– Одно мгновение, и вы прошли мимо. После спектакля я решил подождать снаружи, а потом пойти следом. Я видел, как вы подозвали экипаж, и подслушал адрес.

Лу пристально смотрит на него:

– Это неприятно. Слежка отвратительна. Никогда не знаешь, что на уме у преследователя.

– Уверяю, я бы не осмелился вас побеспокоить.

– Однако, как видите, побеспокоили. Мне пришлось обратиться к вам, когда Эллиен сказала: «Вот человек, который идет за нами от отеля». – Лу медлит, а потом замечает: – Должна сказать, вы не произвели хорошего первого впечатления.

– Ваши слова абсолютно справедливы, и мне страшно стыдно.

– Оттого, что вас заметили?

– Да, а еще оттого, что вас рассердил. Но я благодарен – за хороший урок. – На его лице расцветает улыбка. – И за нашу встречу...

И снова она смотрит на него. Он в самом деле считал, что они с Эллиен могли его не заметить, или надеялся, что они первые начнут разговор, который он сам боялся инициировать?

– Вы свое получили. Пожалуйста, скажите сейчас – чего вы в самом деле желали? Какая у вас цель?

– Ц-ц-цель? Я просто хотел увидеть вас, поговорить, услышать ваш голос.

Господи, да он снова заикается.

– Вам требовалось мое внимание? Только это, больше ничего?

– Вы знамениты, фрау Саломе. Я видел, как люди бросались к вам и смотрели вам вслед. Уверен, что многие хотели бы сидеть рядом с вами и беседовать, вот как мы сейчас.

Лу сразу становится скучно и неловко. Пора заканчивать разговор.

– Здесь в Вене у меня каждая минута на счету. Очень много дел. Почти все время я трачу, читая или занимаясь с... с тем, кто пишет про секс, как вы это забавно сформулировали. Неужели это все, что вы слышали о профессоре Фрейде?

– Слышал, что он уговаривает людей пересказывать ему свои сны. И узнает будущее. Как гадалка.

– Не одобряете? Это нормально. Не всем нравится обсуждать секс. – Она бросает взгляд на настенные часы. – Мне и правда пора. Скоро начнется семинар.

Лу поднимается, он следом за ней.

– Могу я вас проводить?

– Конечно нет! Посидите, выпейте еще кофе. О счете я позабочусь.

– Вы очень добры. Мне страшно неловко, что счет оплачиваю не я, но у меня сейчас совсем плохо с деньгами. – Он тоскливо смотрит на нее. – Мы еще увидимся?

Она искренне удивлена:

– Я вам еще не надоела?

– Есть много вопросов, которые я хотел бы обсудить.

Ну, конечно.

– Я готова выпить с вами кофе через полтора-два месяца. Можно поговорить об искусстве, возможно, еще о чем-то. Но, прежде чем мы встретимся, я настаиваю, чтобы вы потратили время на анализ работ современных мастеров живописи. Климт, Шиле, Кокошка. И еще одно условие. – Она говорит четко и жестко. – Я категорически запрещаю вам следить за мной

и Эллен. Я очень рассержусь, если узнаю, что вы бродите за мной с тем же страдающим выражением, как сейчас.

Молодой человек робко кивает. Лу отмечает, как он становится послушен, стоит заговорить с ним строго.

– Если вы выполните эти два моих условия – они, на мой взгляд, вполне разумны, – мы встретимся еще раз. Я разрешаю вам написать мне письмо с напоминанием через шесть недель.

– Большое спасибо. Я принял ваши условия, как только их услышал.

– Прощайте.

Она пожимает его руку и выходит.

Глава 4

Утром под дверью меня ждет написанная от руки записка: «Ты хотела посмотреть на Шанталь. Приходи в четыре часа, я покажу. Дж.»

Спускаясь в назначенное время на шестой этаж, я спрашиваю себя, почему мне вообще пришло в голову позвать Джоша чинить решетку? Повисшая на одной петле дверь портит весь вид? Или в глубине души я просто хочу с его помощью понять, что собой представляет Шанталь? В нем и его отношениях с доминатрикс было что-то загадочное, и это будит мое любопытство.

Неужели Шанталь ждет меня и готова познакомиться?

Запах масляной краски пробивается из-под двери и проникает даже в коридор. Я вхожу. Шанталь здесь, конечно, нет. С подрамника смотрит огромный холст с почти завершенной картиной в манере Фернана Леже – не в смысле картина вроде его безличных труб и шестеренок, а работа в стилистике кубизма: женщина, отраженная в зеркале платяного шкафа.

– Ничего себе! А я и не думала, что ты такое пишешь.

– Этим на жизнь и зарабатываю. – На Джоше все та же вязаная шапочка и заляпанный краской комбинезон с надписью «Долой халтуру!» на спине. – Это для «Кафе Леже». Еще пара дней – и доделаю.

– Сильно. Будет притягивать все взгляды. – Впервые за время нашего знакомства я вижу на его лице настоящую открытую улыбку. – Так ты делаешь копии?

– Я называю это вариациями на тему. Берутся фрагменты работ известного мастера и сводятся в один образ – уже в соответствии с моим собственным видением. Чтоб никто не счел это подделкой, на обратной стороне холста стоит моя фамилия. Я работал в стиле Матисса, Брака, пару работ под Жана Арпа; а для ресторана одной из центральных гостиниц – серию по мотивам Фрагонара. Постепенно мои контакты стали передавать от клиента к клиенту, но все знают, что я откажусь писать под Пикассо.

– Пикассо? Почему?

– Да нет, художник как художник. Однако это интригует, согласись. «Есть парень, который нарисует все, что захочешь, только он отказывается работать в стиле Пикассо». – «Что, в самом деле? А по какой причине?» – Меня спрашивают, а я загадочно улыбаюсь. И люди сразу видят во мне нечто особенное.

Я смеюсь. Какой он все-таки забавный.

– Ты ведь пишешь не только «вариации»?

Джош пожимает плечами.

– Ну... Я позвал тебя, чтобы показать портрет Шанталь. Она не заказывала, я написал для себя.

Он ведет меня в дальний угол лофта – туда, где оборудована мастерская. Проходя мимо жилой зоны, я замечаю незаправленную кровать, гору посуды в мойке, словно подобранные со свалки стол и стулья.

Джош кивает в сторону стеллажа.

– Мои работы вон там.

Вытаскивает из кипы холстов один, подносит к свету.

Прекрасная молодая женщина с бледной кожей и темными волосами, волной падающими с плеч. Она изображена в виде возникшего античной колесницы: нижнюю часть тела от зрителя загораживает щит, а верхнюю прикрывает только элегантное бюстье из черной кожи. С легкой улыбкой она смотрит прямо в глаза зрителя. Одна рука опирается на борт колесницы; вторая сжимает длинный меч, словно Шанталь сейчас нанесет удар врагу.

Ее лицо кажется мне знакомым. Проходит несколько секунд, и я понимаю, что мы встречались. Пару месяцев назад Курт, мой тренер по тайскому боксу, поставил нас в пару для спарринга. Мы немного поработали – неравная схватка, мне с ней было не тягаться, – а потом выпили вместе кофе. Она сказала, что видела мою постановку о Веймарской республике и что ей понравилось. Приветливая, сдержанная; в ней ощущалось внутреннее спокойствие опытного мастера единоборств. Я тогда подумывала о том, чтобы заняться этим спортом серьезнее, и спросила ее совета – она вдумчиво и подробно отвечала. Мы проговорили где-то полчаса, обращались друг к другу по имени, – она сказала, что ее зовут Мари. Потом сталкивались еще несколько раз. Сейчас поняла, что уже давно ее не видела.

Джош внимательно смотрит на меня, пытаюсь расшифровать мою реакцию на его картину – говорю ему, что очень впечатляет.

– Я изобразил в ней архетип.

– Что-то из карт таро.

– А, угадала! Работа называется «Королева мечей».

Восхищение в его глазах радует меня, хотя догадка была совершенно случайной.

– Я уверена, что встречала ее – в спортивном зале.

– Ты занимаешься боевыми искусствами?

– Тайским боксом. Но женщину, о которой я говорю, звали иначе.

Он изумленно смотрит на меня.

– Шанталь действительно занималась муай-тай, серьезно занималась. Как она представилась?

– Тренер называл ее Мари. Может, сестра?

Джош качает головой.

– Вряд ли. Может быть, это ее настоящее имя. – Он отходит от картины. – Ты хотела посмотреть на нее. Теперь оказалось, что вы знакомы. Странно, правда?

– Очень странно. Меч у нее в руках – он настоящий?

– Реквизит. Как и колесница. Она купила их на распродаже в киностудии.

– Невероятно красивая женщина. А ты не...

– ...приукрасил ее? Если только чуть-чуть. Ей не нравилось позировать, сидеть неподвижно, поэтому большую часть картины я писал с фотографий, а потом все-таки усадил ее и закончил работу над лицом. Композиция вполне традиционная, но я хотел, чтобы портрет вышел узнаваемым.

– Ей понравилось?

– Очень. Она даже хотела его купить. Может потом и продам, но сейчас я хочу сделать цикл портретов таро – выставить всех четырех королей вместе.

– Великолепная работа, Джош. И дает представление о том, как ты относился к Шанталь.

– И как?

– Восхищение. Трепет.

– Так и есть. Но, вероятно, не в том смысле, как ты подумала. Я не по этой теме.

– Она здесь такая властная... И дерзкая. Во время спарринга Мари производила точно такое же впечатление. «Попробуй, ударь меня. Знаешь, что с тобой тогда будет?» А потом, когда мы пили кофе и болтали, – мы были просто как две подружки.

– Шанталь вообще сдержанная. В повседневных ситуациях, я имею в виду. У клиентов... думаю, она вызывала именно трепет. Но когда мы сидели за бокалом вина, она всегда была спокойная и уверенная в себе. Я тебе уже говорил, Шанталь – сложный человек.

– Даже по портрету видно. Так твой стиль именно такой?

– Можно ли по этой работе представить мой собственный стиль? – Он пожимает плечами. – Да я и сам не знаю.

Я снова смотрю на портрет Королевы. Нежность и агрессия. *Какая же интересная женщина.*

Благодарю Джоша за приглашение в студию, и за то, что показал работу, – вижу, что ему приятно.

– Надеюсь, мы подружимся, – говорит он.

– Я тоже надеюсь. А почему ты не снимаешь свою шапочку?

Очередная ухмылка.

– Воспринимай это как способ произвести впечатление.

Я поднимаюсь к себе и думаю об этом странном совпадении, что моя спарринг-партнерша оказалась профессиональной госпожой, и сейчас я живу в ее «Орлином гнезде». Я помню, как нас знакомил Курт. Он сказал: «Мари, покажи Тесс, как надо правильно ставить блоки. И... полегче там, она еще новичок». Она и вправду не усердствовала: удары скорее не наносила, а обозначала хлопком. Показала кое-какие приемы, дала несколько разумных советов. В конце сказала: «Надеюсь, я не причинила тебе боли», – а потом позвала выпить кофе.

А в кафе даже похвалила меня, описывая, как ей понравилась моя постановка о Веймарской республике.

Я спросила, что привело ее в тайский бокс. «Довольно эксцентричные соображения, – вот что она ответила мне. – Большинство женщин, которые занимаются в зале, делают это ради поддержания себя в форме; очень немногие желают научиться именно искусству поединка. И, получив несколько настоящих ударов, бросают. Конечно, это неприятно, и может быть по-настоящему больно, – но если нравится бой, приходится платить. Фокус в том, чтобы сосредоточиться на желании победить, даже если придется пройти через боль».

Через две недели после переезда у меня снова гость – мой старый друг, актер и режиссер Рекс Бакстер. Он сотрудничает с разными местными театрами, в качестве приглашенного режиссера, но роль, которую он хочет обсудить сегодня, касается работы в его собственном проекте – «Головокружение». Он назвал свою компанию в честь культового фильма Альфреда Хичкока, который был снят в Сан-Франциско в конце пятидесятых.

Я открываю ему дверь. Рекс улыбается.

– Изумительный вестибюль. А поездка на лифте – дух захватывает! И лампочка мигает так таинственно.

Мне интересно, как он отнесется к моему новому жилью. Он читает фразу Лу Саломе на арке в прихожей, вертит вокруг головой. На нем его обычный наряд: куртка цвета хаки, черная футболка, потертые джинсы. Рыжеватая борода и собранные в пучок волосы золотятся в свете потолочного окна.

– Ух, ты! Вот это лофт!

Я рассказываю ему о профессиональной госпоже, которая при отъезде оставила кое-что из своего инвентаря. О женщине, с которой, как выяснилось, мы пересекались и даже болтали на тренировках.

– А это видимо темница! – Рекс посылает мне через решетку страстный взгляд. Затем подходит к кресту. Внимательно изучает, распластывает руки и примеряется. – Как мне нравится! И переликается с надписью над аркой. Здесь можно поставить любопытный одноактный спектакль. А может, и на три действия хватит. Перефразируя Чехова: если в первом акте на сцене присутствует клетка, значит, в третьем в нее обязательно кого-нибудь запрут. Просто руки чешутся!

Я жестом указываю ему на диван, и наливаю бокал белого вина.

Рекс продолжает рассуждать:

– Очень театрально! Актеры и доминатрикс – в общем-то мы в одной лодке. И те, и другие создают иллюзии, используют костюмы, реквизит, декорации. Но, конечно, наши удары невзаправду, они не приносят боли. В отличие от...

Он сидит на диване, рассматривая мое чернильное творчество. А я размышляю над его словами про таких, как Шанталь. Актрисы? Ну, в определенном смысле да. Когда люди слышат, что моя мать была джазовой певицей, они думают, что именно ее пример пробудил мой интерес к исполнительству. Я обычно не спорю, хотя уверена, что своими склонностями обязана не матери, а отцу, аферисту, который сел в тюрьму по обвинению в мошенничестве, когда мне было десять. Я помню, как он ловко изменял походку, манеру речи, натягивал другую шляпу – и становился другим человеком. В детстве нас это очень веселило. Для меня и брата отец с его способностью говорить на разные голоса и выразительной мимкой был сказочным Человеком с тысячько лиц, образцовым актером.

Про то, как я обставила помещение, Рекс говорит:

– Мне нравится твой вкус. Всего два цвета, лаконично, но слегка пугает. Ты видишь мир черно-белым?

– Нет, это просто дизайн.

– Ну, мне нравится. Очень в стиле Тесс Беренсон. – Он делает глоток вина. – Такой простор, даже завидно. А я по-прежнему живу в своей хибарке.

– У тебя прекрасная квартира, Рекс. И, главное, в самом Сан-Франциско.

– Большое дело! Сан-Франциско похож на Манхэттен, там живут только богачи и гении-программисты. А Окленд – это Западный Бруклин, место, где уютно устроились писатели, художники, актеры. Бедный я, бедный, обосновался не на той стороне залива. – Он делает паузу. – Я готовлю новый проект. Теперь, конечно у тебя есть грант, и не нужны подработки, но надеюсь, эта тебя заинтересует. Ты мне в самом деле нужна.

– Дай-ка угадаю. Роковая женщина?

Он смеется.

– Откуда ты знаешь?

Еще бы мне не знать! В его спектаклях мне всегда достается одна и та же роль. Компания Рекса оказывает богатым людям private услуги, помогает удовлетворить тягу к авантюрам. Клиент задает ключевые элементы ожидаемого приключения: мерзкий коротышка, вырванный кошелек, женщина, переодетая священником и т. д., – а уж Рекс сводит их вместе в связный сценарий, нанимает исполнителей и разыгрывает перед клиентом представление в декорациях Сан-Франциско.

Клиент не знает заранее, что именно произойдет. Впрочем, какой бы опасной ни казалась ситуация, ему на самом деле ничего не грозит. Нанятые Рексом актеры ведут клиента по сюжету, записывая на прикрепленные к одежде миниатюрные камеры все происходящее. Стоимость постановки – от десяти тысяч долларов. Некоторые проекты обходятся заказчикам раза в два дороже.

Клиент получает незабываемые впечатления – и фильм, который может позже пересматривать. Для богачей это яркая вспышка эмоций на фоне обычного размеренного существования.

Рекс платит хорошо. Да и работа интересная. Клиентами становятся в основном приезжие, некоторые даже из Европы: люди, для которых Сан-Франциско, город хичкоковского «Головокружения» и «Разговора» Копполы, несет особое очарование.

– Клиент – компьютерный гений и мультимиллионер, – объясняет мне Рекс. – Наши услуги – подарок от коллег на день рождения. Он знает о подарке, но не имеет ни малейших пожеланий по сюжету. Друзья говорят, что он любит фильмы в стиле нуар, так что мы решили отталкиваться от этого.

– А я буду этакой нуарной красоткой?

Рекс улыбается.

– Клиенту скажут, что с ним желает познакомиться роскошная женщина чуть за тридцать. Она – ты – будет ждать его в баре отеля «Редвуд». Фешенебельный район, престижное заведение. В сексуальном красном платье... У тебя есть, кстати?

– Угу. Осталось от постановки о Веймарской республике. Впрочем, для такого интерьера оно, пожалуй, недостаточно респектабельное.

– Давай-ка посмотрим.

Рекс виртуозно затягивает меня в свой план. Он знает, что если я сейчас продемонстрирую ему платье, то потом мне будет гораздо труднее отказаться от роли.

Я захожу в гардеробную, переодеваюсь и дефилирую перед Рексом.

– Великолепно. Ты права, что оно немного вульгарно, но если дополнить дорогими украшениями и обувью... Есть туфли с красной подошвой?

– Лубутены. Но не беспокойся, у меня полно шпилек.

Он подробнее описывает сюжет:

– Драма в трех действиях. Действие первое: ты флиртуешь с клиентом в «Редвуде», затем появляются два громилы и уводят тебя. Действие второе: цепочка странных встреч, и клиент попадает на вечеринку: веселье там уже в полном разгаре; в задней комнате происходит оргия.

– В которой я с энтузиазмом участвую?

– Не сказал бы, что с энтузиазмом. Клиент видит тебя мельком сквозь распахнувшуюся дверь, видит, как тебе делают какой-то укол, – а потом дверь захлопывается. Действие третье: убогое заведение со стриптизом в районе Норт-Бич, и снова встреча. У тебя пустота в глазах, вид совершенно обколотого человека, лицо размалевано, ты танцуешь у шеста.

Я изображаю шок:

– У шеста! Как в моих «Черных зеркалах»! Что, и раздеваться придется?

– Будешь топлес, но в трусиках.

– О, как ты добр!

Теперь его очередь изображать нетерпение:

– Так что, согласна? Пятьсот баксов, возможность дать выход своему таланту, и пара бокалов шампанского после представления на вечеринке в «Буэна-Виста».

– Согласна. Но не за деньги. Я хочу бартер. Я буду роковой женщиной, стриптизершей, кем хочешь. А ты за это станешь режиссером моего нового спектакля, «Монолог».

Мы чокаемся бокалами.

– Принято!

Я приехала в Сан-Франциско на встречу с Грейс Ви, мы устроились в тихом ресторанчике. По мнению Грейс, именно в таких заведениях дамы из высших слоев общества, собравшись вместе, обсуждают за обедом очередной благотворительный проект. Как по мне, это место хорошо только для очень пожилых леди: бордовые скатерти, выбор диетических блюд в меню, сэндвичи с зеленью и омлет из белка.

В колледже мы не особенно общались, но Грейс всегда была мне симпатична. И сейчас, после более чем десятилетнего перерыва, я удивляюсь ее резкой реакции на «тех, кто правит городом», – состоятельных женщин, которые покровительствуют культуре Сан-Франциско и превращают его в город мирового уровня.

– Мне так нравится то, что ты делаешь, – говорит она, – так что я готова помочь чем только могу.

После обеда мы неторопливо идем в сторону ее дома. Снаружи он именно такой, как я представляла: фасад, который горделиво заявляет о значимости своих владельцев.

– Иногда я его стыжусь, – признается Грейс.

Мы обе рассматриваем дом: подъездная дорожка полукругом, высокая парадная дверь, два симметричных крыла и даже герб над входом.

– Но Сайласу нравится, помогает чувствовать себя уверенно в окружении богатеньких соседей. Они все сплошь что-нибудь коллекционируют и вечно рассказывают друг другу, какие они умные и успешные и что их тесный мирок – просто-таки центр вселенной. – Грейс качает головой. – Я пыталась отговорить его от покупки, но он сказал: «Когда вкладываешь чертову уйму денег в недвижимость и перебираешься сюда из Кремниевой Долины, нужно показать этому городу, кто ты есть. Жить в лучшем районе. Завязать дружбу с самыми влиятельными соседями». – Она пожимает плечами. – Я понимаю, конечно, но все же...

Грейс ведет меня в бальный зал: высоченный потолок, наборный паркетный пол, лепнина, светлые отделанные деревянными панелями стены. У меня слабеют ноги.

– Боже, великолепно! И даже стулья есть!

В зале вдоль стен – именно так я собиралась рассадить зрителей во время спектакля – стоит около сотни деревянных стульев с обивкой из бело-золотистой ткани.

– Они шли в комплекте с домом, – говорит Грейс. – Мы не планируем закатывать грандиозные балы, так что хотим превратить это помещение в спортивный зал. Но пока все в прежнем виде – используй его на полную катушку.

– Ты что-то говорила насчет публики?

– Думаю, человек сто придут. Мы разошлем приглашения на бумаге с тиснением, примерно в таком духе: «Миссис Z сердечно приглашает вас посетить музыкальный вечер и последующий прием». – Грейс смотрит на меня. – Сколько ты обычно берешь за билет?

– Пятьдесят долларов.

– А если двести пятьдесят? Эта публика регулярно столько платит за кресло в опере. Чем дороже им что-то обходится, тем больше они это ценят.

Двести пятьдесят долларов! Слишком много для моих обычных зрителей. А потом я думаю: *почему нет? Постановка состоится только один раз. Бальный зал в особняке, и в качестве зрителей – реальные прототипы моей миссис Z.*

– Конечно, пусть будет двести пятьдесят.

Грейс приходит в восторг.

– Это покроет все издержки: печать приглашений, оплату парковщиков, шампанское, официантов. Пусть запомнят! Думаю, надо назначить представление на вечер четверга – традиционный день для таких мероприятий.

– Может, ты еще подумаешь? – пытаюсь я охладить ее пыл. – Как бы это не навредило вашей репутации.

– Ну, тут два варианта. Либо эта публика навечно прекратит общение со мной и Сайласом, либо мы станем новыми звездами Сан-Франциско: «интеллигентная молодая пара с большим домом и великолепным воспитанием; именно то, что требовалось, чтобы разбавить наше старое чопорное общество». Поверь, Тесс, меня устроят оба варианта.

В вестибюле моего дома Кларенс разговаривает с двумя мужчинами. Они держатся очень серьезно, Кларенс тоже растерял свою обычную бодрую манеру. Может, какая-то официальная проверка?

Они уходят, пока я дожидаюсь нашего нелепого лифта. Кларенс неподвижно стоит в центре вестибюля.

– Что-то не так?

Он смотрит на меня, словно собираясь с мыслями.

– А, Тесс. Привет. Я не видел, как ты вошла.

– Ты чем-то расстроен?

– Эти парни – детективы. Они спрашивали про Шанталь, сказали, что она убита.

Я прижимаю ладонь ко рту.

– Оказывается, три недели назад ее нашли в багажнике угнанного автомобиля, припаркованного в аэропорту Окленда. Обнаженную. Тело уже разложилось. Труп не могли идентифицировать до вчерашнего дня, пока недалеко от порта не обнаружили разбитый затопленный мотоцикл. Вытащили его и нашли водительское удостоверение Шанталь. Сравнили фотографию на правах с трупом. Потом выяснили адрес. – Кларенс качает головой. – Задавали кучу вопросов про ее занятия, друзей... Когда я сказал, что она доминатрикс, потребовали список клиентов. Черт, да будто я их знаю! Здесь постоянно ходят люди, и у нас нет камер наблюдения. Я предпочитаю не лезть в дела жильцов.

Я потрясена. Мы встречаемся взглядами, и я подхожу обнять Кларенса.

– Господи, кошмар какой-то. Как оказалась, я встречалась с ней в спортивном зале. Мы не были близко знакомы, но она мне нравилась. Просто не верится... Мы с Джошем совсем недавно о ней вспоминали, и он показал мне ее портрет. Она там такая живая, словно еще немного – и выйдет из рамы.

– Копы считают, что это мог сделать клиент, – повторяет Кларенс.

– Ты тоже так думаешь? – спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

– Чем я могу помочь, Кларенс?

– Да чем тут поможешь? Она съехала пять недель назад. С тех пор я ее не видел и ничего о ней не слышал. Шанталь всегда была очень приветливой, улыбалась, здоровалась. Господи, у кого рука поднялась? Почему?

У него на глазах слезы. Я чувствую, что тоже сейчас заплачу. Мари, темноволосая девушка из школы боевых искусств; Шанталь, «Королева мечей» художника Джоша; Шанталь Дефорж, доминатрикс, которая жила в лофте, ставшем теперь моим. В тот раз за чашкой кофе она так спокойно говорила про боль, и она причиняла ее другим, занимаясь своим ремеслом там, где я теперь занимаюсь своим.

Глава 5

Вена, Австрия. Конец февраля 1913 года.

Ясный морозный день.

Тот же молодой человек сидит за столиком в той же кофейне, чего-то ждет и нетерпеливо поглядывает на дверь. Когда входит Лу, он подсакивает, вытягивается и будто вот-вот щелкнет каблуками.

– Фрау Саломе! Спасибо, что пришли.

– Вы можете звать меня фрау Лу. Почти все обращаются ко мне именно так.

– Спасибо!

Лу садится.

– Пожалуйста, не надо подобострастия. – Юноша кивает. – Я получила письмо. Рада, что вы приняли мой совет и посетили кое-какие из галерей.

– Разумеется, я вас послушал.

– Оставьте. Это было просто предложение.

– Вы сказали, что это условие. Или я повинуюсь – или следующей встречи не будет.

– Ох, я и забыла, как с вами трудно. Ну, так что вы думаете?

– О картинах?

– Разумеется, о картинах! Не ерничайте, прошу вас!

– Мое честное мнение?

– Само собой.

Молодой человек внимательно смотрит на Лу с легкой улыбкой: она хочет откровенного разговора? Что ж, он примет вызов. Не станет яростно спорить, как обычно, нет, – просто покажет ей, что у него тоже есть своя позиция.

– По правде говоря, мне не понравилось. А если еще честнее, меня воротит от такого искусства.

– Забавно. И отчего же?

– Разложение. Излишняя чувственность, даже непристойность. Подчеркнутое уродство. Особенно у Кокошки. Он не представляет, во имя чего существует искусство.

– И во имя чего же?

– Ну... Я хочу сказать... – Он снова начинает заикаться. – Н-не понимаю в-вопрос. Почему вы спрашиваете меня, художника?

– Потому что хочу дойти до основы, – поясняет Лу. – Что есть искусство? Каково его назначение? Как можно разделить картины и их создателей? Вам нравится Вагнер?

– Я его боготворю!

– И, конечно, вы задавались вопросом, чем вызваны ваши чувства?

– Совершенно трансцендентное чувство, когда звучит его музыка. Однако при чем здесь Вагнер? Вы сравниваете Вагнера и Кокошку?

Лу качает головой:

– Конечно нет, но в произведениях Кокошки есть нечто особенное. Как и все великие творцы, он выражает себя особенным образом. Как Вагнер, который не похож ни на какого другого композитора, узнаваем. Так и Кокошка. Его работы не похожи на картины других художников. Это же касается полотен Шиле и Климта.

– Эти, по крайней мере, умеют рисовать! Хотя мне отвратительно то, что они изображают!

– А если обойтись без слов вроде «воротит» и «отвратительно»?

– Возможно, я плохо объясняю. В их работах – распад и тлен. Даже когда они пытаются изображать нечто жизнеутверждающее, работы уродливы, поскольку касаются мерзких вещей. Голые, искаженные судорогой тела! Скрученные конечности! Я сделал то, о чем вы просили: я сходил на их выставки. А потом отправился в Императорский музей истории искусств – успокоить нервы и очистить зрение. По сравнению с тем, что выставлено в музее, экспонаты этих «прогрессивных» галерей – просто мусор.

– Ну, у вас явно сформировалось определенное мнение. Как и у меня. Я смотрю на ваши акварели и вижу, что художник отображает не суть предмета, а его поверхность. Церкви, домики, мостовые... Рисовано тысячи раз!.. В этом нет, разумеется, ничего плохого – но какое это имеет отношение к сути вещей? А современные художники исследуют именно ее. Появление в нашей жизни фотографии заставляет художников смотреть глубже. Я убеждена: искусство двадцатого века будет базироваться именно на таком видении. Художники увлекут нас в глубины подсознательного, откроют новые пути. Психоанализ, который я сейчас изучаю, – как раз попытка такого взгляда внутрь, чтобы понять побуждения, делающие нас теми, кто мы есть. Что скрывается за нашими фантазиями? Какие внутренние конфликты выводят нас из равновесия? А ведь они порой могут причинить реальный вред. Великие художники современности тоже хотят это понять.

Молодой человек широко улыбается:

– Вам нравится наш разговор?

– О, да! Обожаю разговоры об идеях!

– Да, и я.

– Так что, хотя мы не сходимся в оценке отдельных художников, это нас объединяет, верно?

Лу демонстративно морщится, услышав такое предположение.

– Вы ведь знали Ницше. – Юноша не спрашивает – утверждает. Лу настороженно кивает. – Не обижайтесь. Всем известно, что вы были знакомы. И та фотография...

Она вздрагивает.

– Прошу вас, давайте сменим тему! За прошедшие тридцать лет я чего только не наслышалась! Особенно в свете того, что Фриц позже написал: «Когда собираешься к женщине, не забывай кнут». – Она фыркает.

– Да, я очень хорошо вас понимаю. Но Ницше вызывает у меня такое же благоговение, как Вагнер. Я знаю, что у них были сложные отношения, читал в вашей книге о Ницше. – Молодой человек пристально смотрит на Лу. – Я раздобыл себе экземпляр, и после нашей встречи перечитал дважды; уверен, что еще не раз прочту. Книга вроде бы о Ницше, однако про ее автора тоже многое становится понятно.

Как и во время предыдущей встречи, Лу начинает испытывать неловкость. *Какая-то дорога с односторонним движением: он столько обо мне знает, а я о нем – ничего.*

Собеседник будто не замечает ее дискомфорта.

– Вагнер, Ницше – это великие люди. Величайшие за последнее столетие.

– Безусловно, Вагнер великий композитор, а Ницше – великий мыслитель. Тем не менее, я не назвала бы их «величайшими людьми». С человеческой точки зрения, они глубоко порочны.

– Гениев нельзя судить обычными мерками. Они вправе жить так, как им нравится, они сами создают правила.

Вот теперь Лу раздражена. Какой неприятный юнец! Однако настойчивый, вот уж в чем не откажешь.

– Боюсь, что не могу с вами согласиться, – говорит она. – Вы рассуждаете так же, как сам Ницше. Поверьте, порой он был совершенно омерзителен. – Лу издает короткий смешок. – Вы идете на оперу Вагнера и мечтаете: «Вот если бы мне познакомиться с этим великим компо-

зитором, поговорить с ним». А я ведь его знала, как и многих других. Допустим, вы познакомились. И что вы увидите? Что он нескладный, что у него плохие зубы, что он не умеет вести себя за столом. Вечно перебивает, а уж если беседа хотя бы на миг ушла в сторону от обсуждения его гениальности и его достижений, сразу начинает скучать, отвлекаться и закатывать истерики. Вы просто не представляете!

Ее собеседник опускает глаза.

– Простите. Мне не следовало начинать разговор о Ницше. Я настолько восхищаюсь этими людьми, что совершенно забываю, что они оба, возможно, были неприятны в личном общении. Вы хорошо знали Ницше, пережили по его вине много страданий. Разумеется, ваши впечатления куда более важны, чем мои юношеские восторги.

– Прошу вас. Все эти разговоры о том, что я пережила или не пережила по чьей бы то ни было вине, – ни к чему. Я познакомилась с Вагнером незадолго до его смерти, когда приехала в Баварию на премьеру «Парсифаля». – Лу улыбается. – А, вы поражены! Находитесь там, слушать невероятную музыку – это было великолепно! Я познакомилась с четой Вагнеров, побывала на их вилле «Ванфрид». Так вот, Вагнер оставил впечатление абсолютного эгоиста, всецело сосредоточенного на осознании собственной гениальности. Поэтому фраза «великий человек» действует мне на нервы. В молодости я относилась к ним обоим куда более восторженно. Сейчас – нет. Кстати, и в наши дни живет несколько людей, чьи работы и идеи, вероятно, окажут влияние на человечество. И один из них восхищает меня сильнее всего.

– Вы говорите о профессоре Фрейде.

Лу кивает.

– Я рассказывала ему о вас, о том, что вы следили за мной. И попросила совета, стоит ли мне еще раз с вами встречаться. – Пристальный взгляд глаза в глаза. – Хотите знать, что он сказал?

– Очень!

– Он посоветовал поговорить с вами еще раз. Сказал, что вы несомненно ощущаете некую связь со мной, одностороннюю, разумеется, и что мне на будущее – когда я начну практиковать психоанализ – полезно изучить, к чему могут приводить такие односторонние связи.

Молодой человек в замешательстве отводит взгляд.

– Доктор Фрейд называет это «перенос»: отношения, которые неизбежно возникают между психоаналитиком и пациентом, когда тот заново проживает тесные связи, которые были у него в детстве. Профессор напомнил мне, что я еще не готова принимать пациентов, однако несколько встреч с вами, возможно, пойдут на пользу, если я буду обдумывать их с точки зрения психоанализа.

Молодой человек явно разнервничался:

– Не могу сказать, что в восторге. Вы рассматриваете наши встречи только с профессиональной точки зрения?

– Вы обиделись.

– На минуту мне показалось, что мы говорим об идеях...

– Я вам как раз и говорю об идее! У вас для слезки за мной были собственные соображения – вы знали, кто я, знали, с кем я была знакома много лет назад. Вы восхищаетесь этими людьми, и поэтому беседа со мной показалась вам полезной. Но, видите ли, жизнь – это улица с двусторонним движением. Почему же вы не подумали о том, что я тоже захочу что-либо извлечь из наших бесед? Или вы настолько самовлюблены, что мои мотивы вам безразличны? Вы полагали, что такой привлекательный молодой человек, с таким обаянием и с таким самообладанием, заинтересует пожилую замужнюю женщину, – такую, как я?

Снова взгляд в пол. Покаянное:

– Вы снова поставили меня на место...

– Опять манера побитой собаки! Прекратите, вам не идет! Разве я веду себя неуважительно? Сажу с вами за чашкой кофе – а могла бы провести время со старыми друзьями. Рабская покорность – всего лишь маска для плохо спрятанной нелепой уверенности, что, раз вам известны кое-какие детали моего прошлого, то между нами уже есть какая-то связь. Вы для меня – чистый лист. Ваши акварели ничего о вас не говорят. И я вовсе не перехожу на личности. Мне всегда трудно общаться с такими людьми. Нет, я вовсе не ожидаю, что передо мной распахнут душу. Это тоже чересчур. Но, чтобы отношения были интересны обоим, каждый должен что-то брать и что-то давать. Так что, если вы желаете еще раз встретиться, вам придется стать более открытым. Тогда, возможно, эти встречи станут интересны и для меня. А сейчас мы просто два человека разного возраста, которые зачем-то сидят в кафе и делают вид, что ведут беседу. – Она поднимается. – В любом случае, мне пора. Закажите себе еще кофе, счет я оплачу. И, пожалуйста, прежде чем снова писать мне, подумайте о том, что я сказала.

Она уходит, а молодой человек понуро сидит за столом.

Однако через некоторое время его лицо озаряется улыбкой. *Мне уделила внимание знаменитая влиятельная дама. В следующий раз надо показать ей, с кем она имеет дело!*

Глава 6

Джош наконец-то отвечает на мое сообщение, говорит, что следователи только что закончили его допрашивать.

– Кларенс сдал меня им, не рад я этому конечно.

Он принимает приглашение и поднимается ко мне – я протягиваю ему бокал каберне. Джош плюхается на диван, я присаживаюсь рядом.

– Копам плевать, – горько говорит он. – Видно по лицам. В Окленде каждую неделю кого-то убивают. Для них Шанталь – просто еще одно дело, которое может быть никогда и не будет раскрыто.

– Кларенс сказал, что ее права были спрятаны в мотоцикле.

– Да, в ящике для багажа, под резиновым ковриком. Если бы не нашли, Шанталь осталась бы трупом неизвестной в угнанной машине. А она так любила свой байк... Дорогуший.

Пауза.

– Детектив, который более молодой, Рамос, заявил: «При такой работе, как у пострадавшей, случается всякое. Профессиональный риск». Хотелось дать ему в рожу.

Я мягко касаюсь его руки.

– Хорошо, что удержался. А как думала сама Шанталь? Она считала, что рискует?

– Да нет. Говорила, что ей нравится доминировать – это позволяет держать ситуацию под контролем. Что работа в офисе – не для нее. Детективы интересовались родственниками, но она о них почти никогда не упоминала. Я им так и сказал.

Я спрашиваю, показал ли он полицейским «Королеву мечей».

– Нет, черт возьми! Обойдутся! После того, что ляпнул Рамос.

– А она когда-нибудь упоминала, что боится кого-либо из клиентов?

– Копы тоже об этом спросили. Судя по тому, как она съехала: в момент все распродала и смылась, – что-то ее напугало. Может, и клиент. Но я ничего не знаю, так копам и сказал.

Я проговариваю свои чувства на встрече с доктором Мод:

– Сначала было просто любопытно. Особенно когда я поняла, что мы с Шанталей знакомы.

А теперь это своего рода одержимость: я чувствую, что наши жизни связаны. И еще – меня потрясла «Королева мечей». Поза властная, но чувствуется глубокая уязвимость. И сам этот образ – сильной женщины. Вы видели мой спектакль о Веймарской республике; там у героини тот же типаж.

Доктор Мод внимательно смотрит на меня.

– Меня вот что смущает, Тесс. Почему вы решили оставить клетку и крест, когда управляющий предложил их убрать?

– Потому что это инвентарь профессиональной доминатрикс. Очарование экзотики. Я подумала, что жить среди таких вещей, должно быть, забавно. Я же не знала, что они принадлежат моей приятельнице Мари.

– Полагаю, здесь кое-что еще. То, что вы пока не осознали.

– Что, например?

– Вот и подумайте. А потом обсудим.

Я раздумываю над сказанным.

– Госпожа – это тоже архетип; жестокая женщина. А Джош изобразил ее как Королеву мечей из колоды таро. Я работаю с архетипами: моя веймарская певица, сексапильная кошечка в «Черных зеркалах», дама из высшего света, миссис Z, нуарная леди, которую мне предлагает сыграть Рекс. Это все грани одного архетипа, верно? – Улыбаюсь собеседнице: – Сегодня у нас больше анализ по Юнгу.

– Я не специализируюсь на методе Юнга, но мне всегда были близки его идеи архетипов. Впрочем, сейчас я говорю о другом. Простите мою настойчивость: я считаю, что вы можете сами проанализировать и осмыслить свою фиксацию на этой женщине. Не думаю, что дело просто в странном совпадении. Есть что-то внутри вас, Тесс. Вы создаете свои представления на материале собственной жизни. Думаю, когда вы увидели оставленный Шанталь инвентарь, то решили сохранить его, поскольку где-то в глубине души сочли, что когда-нибудь используете его в своих постановках.

– Думаете, я такой эксплуататор?

– Это не эксплуатация, использовать то, что встречается вам на пути. В любом случае, судить – не мое дело. Мы обе хотим найти истину – истину с психологической точки зрения. Мне нравится, что вы опираетесь на пережитое и используете это в своей работе. Полагаю, что вы сделаете постановку и о Шанталь – как только разберетесь со своими ощущениями.

После сеанса я мчусь в школу боевых искусств и луплю грушу – пинаю, бью, наношу удары коленями.

Закончив и переодевшись, я иду в кабинет Курта Фогеля, владельца и главного тренера школы. Он бывший чемпион по тайскому боксу. Немецкий акцент, бритая блестящая голова, зеленые глаза только усугубляют его природное обаяние. Спрашиваю, слышал ли он про Мари.

Курт тяжело кивает.

– Прочитал в новостях. Ужасно. Она была настоящим бойцом, так что наверняка нападавший застал ее врасплох. Если бы нападение было честным, она дала бы негодяю отпор.

Я смотрю на него.

Ну почему, почему для него любое событие – поединок?

Он застывает.

– Тренируйся усерднее, Тесс. Учись драться. И каждый раз сообщай мне, что пришла. Если подходящего спарринг-партнера не будет, я сам встану с тобой.

Позднее, уже дома, я обдумываю сеанс с Мод. Она права. Я своего рода старьевщик: беру куски и кусочки, осколки своей и чужой жизни, собираю – и леплю из них истории. Это мой способ понять себя и окружающий мир.

Однако кое в чем доктор ошибается: когда я увидела клетку и крест, то далеко не сразу подумала о том, чтобы использовать их в своей будущей постановке. Хотя признаю – вполне возможно, на подсознательном уровне я примеряла, как их можно включить в сценарий.

Пожалуй, причина моей теперешней заикливости на Шанталь – не архетип, который она отыгрывала, а наше с ней реальное знакомство. И ее странное поведение. И то, как ужасно все для нее закончилось. Но настоящего финала у этой истории пока нет. Ничего еще не выяснили, загадка так и остается загадкой.

Звонит Джош и зовет вечером выбраться из дома.

– Первая пятница месяца, Ночь музеев, – напоминает он. – Пойдем?

Мы встречаемся внизу. На Джоше все та же шапочка, джинсы и линялая бело-голубая футболка с надписью «Окленд». На мне – черный топ и шорты. Мы вместе с толпой неспешно идем по Бульвару, сворачиваем на Телеграф-авеню, а потом заходим в бар и заказываем коктейль из водки и грейпфрутового фреша.

Мне нравится здесь, в самом сердце Окленда. В узком длинном зале пьют, болтают, смеются люди всех возрастов. На стенах причудливые надписи, какие-то чучела рептилий и куча всякой вычурной дребедени – все это и отталкивает, и привлекает – может, потому, что противоположно минималистской эстетике, к которой я привыкла.

– Мне нравится все это вуду на стенах, – говорю Джошу.

Но музыка так гремит, что он делает знак рукой, что ничего не слышит, и я наклоняюсь к самому его уху.

– Да, словно попадаешь внутрь трехмерной инсталляции, – кричит он в ответ. – У создателей этого интерьера была явная боязнь пустоты – ценофобия.

Искусствоведческий термин в устах Джоша звучит странно. Хотя... что я на самом деле о нем знаю? Сам он из себя изображает этакое грубоватое парня, но, думаю, он куда сложнее, чем хочет показать.

Мы снова выходим на Телеграф-авеню, и Джош поворачивается ко мне.

– Там, в баре, ты так на меня посмотрела...

– Да? И как?

– Когда я сказал про ценофобию – гадала, где я умных слов нахватался.

– Судя по всему, у тебя ученная степень?

Он смеется.

– Проучился два года в Калифорнийском колледже искусств, потом бросил. Не хотел быть учителем рисования, поэтому не видел смысла убиваться ради диплома. Так что я практически самоучка. Если меня что-то интересует, я в это углубляюсь. Шанталь была такой же. Говорила, что училась в университете Сан-Франциско, сразу на психологии и германистике, но когда умерли родители, решила уйти. Поехала в Вену, там познакомилась с опытной доминатрикс, пару лет брала у нее уроки, а затем вернулась сюда и открыла собственное дело.

Мы бредем в сторону Двадцать первой улицы, где расположены сразу несколько галерей. Гуляющих здесь уже меньше, зато рестораны и кафе переполнены молодежью. Посетители пьют, едят, кого-то уже тошнит. Из-за ночи музеев центр Окленда, где с наступлением темноты обычно становится опасно, сейчас полон жизни.

Джош кивает на стаю серо-голубых крупных птиц, рассеявшихся на ветке дерева.

– Ночные цапли. Говорят, из порта их прогнали чайки. Они любят фонари, здания и людей, так что центр города пришелся им по вкусу. Гнездятся на деревьях юкка. Мне они скорее нравятся, но большинству – нет. Они производят дерьмо в немыслимом количестве.

– У птиц это называется гуано.

Он хохочет.

– Ну, как ни назови...

Разговор идет так хорошо, что я снова пытаюсь спросить его про Шанталь.

– Встроенные книжные полки в моем лофте – это она заказала?

Джош напрягается.

– Забавно, что ты спросила именно о них – их тоже я делал. У Шанталь была чертова куча книг.

– И все ушло на распродаже?

– Насколько я слышал, тематическая коллекция – да. Но у нее было множество книг не по специальности – хорошие серьезные книги. Думаю, она продала их местным букинистам.

На улицах – толпы: все желают приобщиться к искусству. Две соревнующиеся группы уличных музыкантов играют по обе стороны проезжей части, создавая странную какофонию. Рэпер, стоя на платформе грузовика, вымучивает из себя несурзные строки, а обдолбанная, анорексичного вида девица со спутанными светлыми длинными волосами устроилась в заколоченных дверях магазина и бессмысленно дергает струны контрабаса.

Мы заходим в одну из галерей: внутри такое скопление посетителей, что картин почти не видно. Джош протягивает мне руку и помогает пробраться ближе к стене. Он внимательно изучает картины, а я – его. То, с каким уважением он рассматривает каждую работу, впечатляет.

– Что-нибудь понравилось? – спрашиваю я, когда мы выходим на улицу.

– Ага. Триптих. И цена приемлемая. Не то чтобы я собирался купить: у меня собственные работы девать некуда.

Насчет триптиха я согласна. Единственная приличная работа на выставке.

У него наметанный глаз, приходит мне в голову.

Галерея, затем другая, третья, десятая... В глазах рябит от картин, скульптур, инсталляций. В гараже на Двадцать пятой мы попадаем на перформанс: группа молодых актеров в черных водолазках – что демонстрирует их принадлежность к сообществу «Да пошло оно всё!» – сидя за круглым столом лакомятся побегими спаржи и с псевдосерьезными лицами декламируют анархистские лозунги. Это нелепо и смешно, – однако меня больше интригует внимание зрителей, нежели само представление.

Шепчу Джошу:

– Вот из-за таких у моего дела плохая репутация.

Он поглощен происходящим и не реагирует.

Я недоумеваю. *Ему нравится?*

Толпа несет нас в сторону Бульвара, и я интересуюсь, принимал ли он участие в протестном движении «Освободи Окленд».

Джош качает головой.

– Я поддерживаю их цели, но в их лагере было полно карманников и наркоманов. А поскольку я здесь живу, желания пакостить в собственном доме у меня не возникало. – Он ухмыляется. – И да, в душе я анархист.

Похоже, он читает мои мысли.

Мы находим свободный столик на веранде кафе, садимся и заказываем кофе.

– Понравилось? – спрашивает он.

– Забавно.

– Но работы в основном халтурные, да?

– Ну это как обычно.

– Не поворачивайся, – вдруг говорит он, – на той стороне улицы Кларенс. Увидит нас, сразу привяжется. А мы этого не хотим, да?

– Я иногда встречаю его во время пробежки. Забавно, но на улице он почему-то делает вид, что меня не узнает. Ходит, будто крадется. И почти не моргает.

– Да, я тоже это заметил.

– А когда мы разговариваем, он вечно хихикает. С тобой тоже так?

– Да, и со мной. Понятия не имею, с чего. По утрам он стоит за конторкой консьержа и широко всем улыбается, а через пару часов роется в помойке на задворках улицы. Однажды я выходил совсем рано и увидел, как он копается в мусорных баках. Тогда я завопил во все горло приветствие. Он поднял голову и скорчил кислую гримасу: «Да, Джош, привет». Словно два совсем разных человека.

– Ну, со мной он всегда мил, – замечаю я.

– Да и со мной, в общем-то. Однако «кто знает, какое зло таится в людских сердцах?»

– «Об этом знает только тень». Верно?

– Именно.

Джош явно приходит в восторг, что я опознала строчку из старой радиопостановки Уолтера Гибсона.

Мы смеемся, а потом Джош говорит уже серьезно:

– Странно, что у тебя никого нет.

– И что? Я совсем недавно закончила отношения. Мне и так хорошо.

Я ловлю его пристальный взгляд и решаю сменить тему. На всякий случай.

– Можно я еще спрошу тебя про Шанталь? – При упоминании ее имени он снова напрягается. – Ты говорил, что никто из друзей не знает ее настоящего имени.

– Может, и говорил.

– То есть, ты знаком с ее друзьями?

Он кивает. Я внимательно смотрю на него. У Джоша такой же внимательный настороженный взгляд, как в тот раз, когда мы впервые столкнулись в лифте, что несколько странно, ведь еще пару минут назад он по собственной инициативе рассказывал о том, как Шанталь училась в колледже и потом у доминатрикс в Вене.

Все-таки интересно, как далеко он позволит мне зайти с вопросами. Я признаюсь:

– Мне бы хотелось встретиться с ее друзьями.

– А от меня ты чего хочешь?

– Познакомишь меня? Или хотя бы расскажешь, кто они?

– Допустим, расскажу. А что потом?

– Понятия не имею. Слушай, я вижу, ты не в восторге. Но ты же сам показал мне «Королеву мечей»... И что-то во мне щелкнуло. Я хочу понять. Может, это оттого, что мы были знакомы, а теперь я живу и работаю там, где прежде жила и работала она. Кто она, Мари или Шанталь? Мне надо выяснить все, что можно, узнать, какой она была. Твой портрет многое объяснил мне, но я знаю, что есть что-то еще. И да, я бы хотела встретиться с ее друзьями и послушать то, что они скажут. Если это тебя злит, – просто скажи, и я отстану.

Некоторое время Джош молча смотрит на меня, словно пытаюсь понять насколько искренне я говорю.

– Начни с Рыси, – говорит он. – Это еще одна госпожа. Некоторое время они работали вместе, и хотя потом Шанталь сняла пентхаус и ушла в свободное плавание, они остались подругами.

– А как мне ее разыскать?

Он хмыкает.

– Ну, для такой шустрой девочки, как ты, это несложно. – Он достает бумажник, бросает на стол банкноту и поднимается. – Сегодня автобусы ходят до полуночи, пойдем, я тебя провожу.

– А сам ты домой не пойдешь?

– Еще погуляю. Не обижайся, Тесс.

На прощание он коротко обнимает меня.

– До встречи.

И шагает в сторону галерей.

Что с ним? Это все очень странно. Сначала сам завел разговор, а потом будто застыл и отвечал односложно. Ладно, не буду нервничать. Назвал имя подруги Шанталь, и отлично. Осознанно или нет, Джош дал мне еще одну подсказку: ее книги приобрел местный букинист.

Наверно, несложно будет выяснить, какой именно. Несложно для такой «шустрой девочки», как я.

Рано утром мне звонит Джерри:

– Та убитая доминатрикс, о которой пишут в газетах, – она жила в твоём лофте?

– Доброе утро, Джерри. Ты из-за этого звонишь?

– Да, доброе утро, Тесс. Попалась на глаза статья, и стало интересно – она это или не она?

– Она. – Я некоторое время молчу. – Разве мы разговариваем?

– А почему нет?

– На прощание ты наговорил мне гадостей, и я еще не отошла.

– В запале люди чего только не болтают, часто совсем не имея того в виду.

– Думаю, ты сказал то, что собирался, Джерри. Так что, если тебе больше ничего не нужно, я пойду работать.

– Конечно. Прости, что побеспокоил. – И затем непривычно мягким тоном добавляет: – Удачи, Тесс. В самом деле, удачи.

Проходит еще два дня, прежде чем я рискую начать поиск Рыси, но найти ее оказывается и вправду легко. Я начинаю с сайта сообщества БДСМ, нахожу страницы местных доминатрикс – в списке числится Шанталь Дефорж, но ее страница не открывается. Надпись мелким шрифтом сообщает, что блокировка произведена по требованию владельца.

Еще один щелчок мыши, – и я выхожу на страницу Госпожи Рыси. Подтверждаю, что дееспособна и достигла восемнадцати лет. Всплывает картинка – с экрана мне соблазнительно улыбается мулатка. Крупными буквами надпись: «ВНЕШНОСТЬ ОБМАНЧИВА. Я МОГУ БЫТЬ *ОЧЕНЬ ЖЕСТОКОЙ*».

В разделе «Информация» описывается обучение в закрытой школе в Швейцарии «Я и тогда доминировала, – читаю дальше. – Сделала своей рабыней соседку по комнате. И наказывала конюха, когда он плохо ухаживал за моей лошастью».

В разделе «Специализация» – длинный список вариантов доминирования. Он включает все, о которых я знаю... и кое-что о чем я и не слышала. В конце добавлено: «Плюс все, что только может представить твоя необузданная фантазия!»

А дальше – крупным жирным шрифтом:

**ДОМИНИРОВАНИЕ НЕ ПРОСТИТУЦИЯ.
ПОПЫТКА ВСТУПИТЬ В СЕКСУАЛЬНЫЙ КОНТАКТ
ПРИВОДИТ К НЕМЕДЛЕННОМУ РАЗРЫВУ ДОГОВОРА!**

«Фотогалерея» демонстрирует Рысь в различных доминантных позах; в разделе «Контакты» даны четкие инструкции, как договориться о встрече. Требуется заполнить длиннющий опросник, подробно описать свои фетиши, сексуальные фантазии, опыт в данной области и представить рекомендацию по крайней мере от одной госпожи.

И, наконец, совершенно недвусмысленно:

«Сеанс – не мой долг, а ваше везение. Если вы меня заинтересуете, я отправлю вам номер своего телефона. Мы обсудим ваши пожелания и выберем удобное время. Если же ответа нет – значит, вам не повезло».

Я вызываю опросник, вписываю свое полное имя, адрес и номер телефона, пропускаю все остальное и пишу в графе «Другое, что мне следует знать»:

Привет!

Я узнала о тебе от Джоша Гарски. Как ты, должно быть, понимаешь, мне не требуется сеанс. Даю слово, что я не из газеты и не из полиции. Я актриса, можешь погуглить мое имя. Я пытаюсь выяснить все, что только возможно, о твоей умершей подруге Шанталь, которую немного знала под именем Мари. Теперь я живу в ее лофте. Очень надеюсь, что ты не воспримешь мое письмо как вмешательство в частные дела. Пожалуйста, сообщи, если согласишься встретиться за чашкой кофе или бокалом вина.

Тесс Беренсон.

Нажимаю «Отправить». Какова вероятность, что она ответит? Думаю, один к трем.

Я сажусь на экспресс до Сан-Франциско и отправляюсь к Рексу. Он хотел обсудить со мной роль в его новом проекте.

В центре его гостиной я обнаруживаю шест. Рекс желает проверить мои таланты?

Отлично! Сейчас, приятель, будут тебе яркие впечатления!

Однако едва я начинаю раздеваться, Рекс изумленно спрашивает:

– Какого черта ты творишь?

- Ты же хотел посмотреть, что я умею, нет?
- С чего бы? Я уже видел, в «Черных зеркалах».
- Тогда зачем здесь шест?
- Я упражняюсь.
- Серьезно?
- Ну да. – Он смотрит слегка смущенно. – Потом покажешь мне пару движений, ладно?

Но сначала давай обсудим роль.

Мы садимся. Его просторная квартира – никак не хибарка – залита солнечным светом. На стенах гостиной – театральные афиши, на полках – макеты декораций и книги по актерскому мастерству и истории театра.

– Ты – шикарная девица из эскорт-услуг, – объясняет он. – Скажем, полторы тысячи за вечер. Майк, наш клиент, узнает тебя по фотографии и по красному платью: он подойдет, ты пригласишь его присесть, вы поговорите – примерно как на встречах вслепую, – представляешь же? – и ты проявишь нешуточный интерес к его занятиям. Совсем как девица по вызову: она делает вид, что безумно заинтересовалась клиентом, хотя оба знают, что ее интересуют только его деньги. Расплатится – и пусть проваливает.

– Шикарная девица в первом акте. Поняла. А что во втором акте?

– Во втором акте, сцена вечеринки, ты должна выглядеть не такой шикарной и совершенно замученной. Ты узнаешь Майка, но мотаешь головой, пытаешься его предостеречь, затем ускользаешь. А позже он мельком увидит тебя в комнате, где происходит оргия. Ты будешь в одном белье, со смазанным макияжем, а еще он заметит, как один из головорезов тебе что-то колет, вероятно, героин.

– Акт третий?

– Ты дошла до точки, села на иглу. Шикарная девушка, которую он встретил в «Редвуде», теперь ведет себя как дешевая шлюха. От шеста ты направляешься к нему, подзываешь к себе, изображая ртом непотребные движения. Все это... чрезмерно. Майк видит у тебя на руках следы уколов и приходит в ужас. Однако не может отвести от тебя глаз, поскольку его к тебе по-прежнему тянет. Тут ты падаешь, словно от передоза, и те громилы, что увели тебя из бара, стаскивают тело с помоста.

– Да уж, настоящая драма. Думаю, у меня получится.

– Не сомневаюсь! Тебе будет интересно играть второй и третий акт. Но сцена в баре – самая важная. Ты должна быть по-настоящему соблазнительной, эскорт-леди высшего класса. Все дальнейшее зависит от того, удастся ли подцепить клиента на крючок. Если нет, твое падение его не тронет.

– Допустим, я сыграю испорченную богатую девчонку, для которой настали плохие времена? Как в песне Боба Дилана, помнишь?

Рекс энергично кивает.

– Вот, самое то!

– А можно предложить дополнение? Правда, потребуются нанять еще одного актера, но думаю, оно того стоит. Знаешь, такой типаж – бандит, жирный, отвратный, и у него в руках вся власть. И, чтобы получился настоящий нуар, пусть сжимает в зубах незажженную сигару. Ему нравится наблюдать, как я опускаюсь, он сидит в лимузине рядом с баром и ждет. Пусть клиент увидит его, когда головорезы поволокут меня из бара. А во время стриптиза он будет стоять рядом со сценой и любоваться картиной моего падения. Клиент снова его заметит, а поскольку уже дважды встречал раньше, поймет, что я у бандита в рабстве. Клиент будет испытывать одновременно и отвращение, и экстаз, поскольку, при всей его порядочности, какая-то сторона его личности тоже радуется возможности наблюдать за моей деградацией.

– О, мне это нравится! И актер подходящий есть на примете. Назовем этого персонажа Пузан. Как всегда, Тесс, ты понимаешь, как сделать образ более глубоким.

И, как всегда, я поддаюсь на его лесть.

– Хочешь увидеть меня на шесте?

– Да, если можно.

Я киваю, раздеваюсь до белья, потом делаю несколько движений. Шест сборный, с пружинной защелкой, но достаточно прочный, чтобы меня выдержать.

– Я уже забыла как выполнять кое-какие элементы: батман, парящая балерина, еще кое-что. Надо наверно дополнительно потренироваться?

Рекс качает головой:

– Нет необходимости. Пусть твой танец напоминает половой акт, а не соревнование по акробатике. Ты должна быть неловкой, а оттого непристойной. Ты не сама, тебя заставил Пузан.

Я начинаю заново. Мышцы словно каменные, в голове туман. Делаю несколько судорожных движений, а потом оседаю бесформенной кучей.

Рекс доволен.

– Ты великолепна, детка. Давай одевайся и пойдем уже что-нибудь съедим. И расскажешь мне про «Монолог» – что ты, собственно, от меня хочешь.

Дома меня ждет сообщение от Рыси. Она благодарит за письмо и готова встретиться. Я перезваниваю; мы договариваемся на завтрашнее утро.

Я предлагаю «Даунтаун-кафе», но у нее другая мысль:

– Есть такой фетиш-магазин, «Мадам де Руж», на углу Харрисон и Восемнадцатой. Мне надо кое-что купить, давай встретимся там? И если мы обе решим продолжить разговор, за углом есть кафе.

Я понимаю: она хочет меня испытать.

– Отлично. В одиннадцать у «Де Руж».

С утра я работаю перед камерой, репетирую «Монолог». Потом просматриваю видео и пытаюсь понять, что вышло. Мод советовала не переигрывать: моя миссис Z персонаж хоть и сатирический, но добрый и милосердный. Она должна пробуждать жалость и приводить в ужас: жалость, поскольку бесхитростно и трогательно уверена, что все ей что-то должны, а ужас – ну, какое еще чувство может вызвать такая неприкрытая уверенность, что дозволено все? Как вчера за обедом сказал мне Рекс: «Сатира – это, конечно, здорово; но не забывай, что это обоюдоострое оружие».

Рысь я замечаю сразу. Собственно, кроме нее, в магазине никого нет. Она выглядит в точности как на фотографии с сайта, только без похотливой улыбки. Мы обе рассматриваем товары в витринах, и я ловлю на себе ее взгляд. Рысь берет со стойки туфли на огромной шпильке. Спрашивает:

– Как тебе?

– Смотреть приятно, ходить – нет.

Она улыбается и подводит меня к стеклянному коробу возле кассы. Он заполнен кожаными шлемами и масками всяких видов.

– А это?

Кассирша, пышногрудая веснушчатая и рыжеволосая, смотрит на меня с интересом.

Я понимаю, что это еще одна проверка. Если я покраснею, побледнею, покажу смущение или неловкость, экзамен будет не засчитан, и Рысь откажется со мной говорить.

Тогда я слегка провожу кончиком языка по верхней губе.

– Симпатичные. Пойдут для посещения церкви. Или для Пасхального шествия.

Они обе хохочут, доминантрикс и рыжая кассирша.

– Пойдем выпьем кофе, – предлагает Рысь.

Кафе расположено в том же доме – мы выбираем столик на террасе и делаем заказ. Рысь изучает меня: ей непонятен мой интерес к Шанталь.

– Ты ведь написала, что была с ней едва знакома?

Я рассказываю о спарринге и занятиях в зале. Рысь подтверждает:

– Да, у нее там был бартер. Двенадцать сеансов БДСМ с вашим сенсеем в обмен на тренировки по тайскому боксу.

Ух ты! Вот бы никогда не подумала: чтоб Курт кому-то подчинился?

– Так говоришь, там она называла себя Мари? Это ее второе имя. Она иногда использовала его в своей... ну... в ванильной жизни. – Больше никаких шуточек. Она и вправду очень расстроена. – Все наши расстроены. Насколько я знаю, среди нас у нее не было врагов. А сейчас все боятся, что на свободе гуляет маньяк-убийца. Никто не хочет брать новых клиентов. – Рысь делает глоток. – В прошлом году в Сан-Хосе тоже убили госпожу. Два выстрела. Прибабахнутый какой-то: после выстрелов выковырял из тела пули. А теперь история повторяется.

Я спрашиваю, может убийца забрал пули, потому что опасался, что его вычислят по оружию?

– Думаешь, это мог быть коп? – говорит она.

– А среди клиентов есть копы?

– Мы не спрашиваем людей об их занятиях. Коп или не коп – сеанс все равно такой же. Если хочешь знать, я устроила тебе проверку именно поэтому: хотела убедиться, что ты не из полиции.

Уверяю ее, что все понимаю. Хотя, если честно, нет, – мне казалось, женщины такой профессии при первой угрозе должны бежать в полицию.

Рысь меняет тему, говорит, что последний раз видела Шанталь на распродаже.

– Там были практически все доминантрикс из окрестностей Залива. Ее решение распродать инвентарь казалось мне странным, однако остальные решили, что это просто профессиональное выгорание. Такое в нашем деле встречается: люди все бросают, продают все вещи и переезжают. Кто-то возвращается к оставленной учебе, другие находят обычную работу, некоторые даже выходят замуж за бывших клиентов, заводят дом и детишек. Но я знала, что здесь дело не в выгорании, что причины не внутри, а снаружи. Я спросила, что происходит, и она шепнула: «Все идет не так». И не захотела отвечать на вопросы. А раньше никогда не скрывала... Она была замечательной. Мне будет здорово ее не доставать.

Хорошо, что Рысь так откровенна – мне она все больше нравится.

– Джош сказал, что когда-то вы работали вместе.

– У нас примерно год было одно помещение на двоих, и мы принимали клиентов по очереди. Иногда работали с одним клиентом вдвоем. Впрочем, нечасто. Слишком разный у нас стиль.

– То есть?

– Я специализируюсь на телесных наказаниях. – Она ухмыляется. – Меня обожают мазохисты: отлично работаю с хлыстом.

– А Шанталь?

– Ей нравились всякие психологические штучки. Она называла это «лечебное доминирование». Но конечно, знала, как наказывать раба, без колебания могла съездить по физиономии. Однако она работала не с мазохистами, а с любителями подчинения. Считала себя в некотором смысле целителем. Ей не нравилось причинять физическую боль. Шанталь как-то сказала, что самое большое удовольствие – залезть глубоко в чужие мозги, найти там демона, вытащить его на свет и поцеловать. Так что, можно сказать, она трахала мозги.

Я слушаю и пытаюсь понять, какая из форм БДСМ кажется мне более разрушительной: садизм в отношении плоти, практикуемый Рысью, или психологическое доминирование Шанталь, воздействие на рассудок.

– Но у нее была клетка и Андреевский крест в лофте.

– Само собой... и куча всего еще. Но, понимаешь, главное в работе с мозгами – создать правильный настрой. Помещение, которое мы раньше использовали вдвоем, находится в подвале. Темно, окон нет, стены давят. Шанталь хотела что-нибудь более изысканное. С хорошим освещением. Увидела тот лофт – и влюбилась.

Совсем как я!

– Управляющий сказал: она называла его «Орлиное гнездо».

Рысь кивает.

– Да, именно так: высоко, вокруг только небо. И тот, кто туда попал, наверняка угодит в когти.

– Странное все-таки название, да?

– Из-за ассоциации с Гитлером? – Рысь улыбается. – Она любила такие штучки. У нее было множество всяких причиндалов, большинство просто для демонстрации. Это все она и распродала: плети, трости, бандажи, наголовники, гардероб госпожи. Она их редко использовала, поэтому они были в прекрасном состоянии. – Рысь фыркает. – Я купила у нее австралийскую однохвостую плеть, Шанталь называла ее «Черный шип». Знала, как хлестать, но что-то я сомневаюсь, что она хоть раз испробовала плеть на клиенте. А инструмент роскошный...

Я моргаю.

– Я тебя смущаю?

– Все нормально. Слышала бы ты мои монологи! Пару дней назад ко мне в гости зашел друг, он ставит спектакли. Посмотрел на клетку и крест, а когда узнал, что раньше здесь жила госпожа, сказал, что вы, ребята, такие же артисты, как мы.

Рысь смеется.

– Да уж. Вся жизнь – театр. Я могу исхлестать задницу клиента до крови, но даже тогда мы оба знаем, что это игра. Шанталь всегда восторгалась сочетанием реального и имитации под реальность. А еще тем, что это сделка, а мы – поставщики платных услуг.

Я спрашиваю, знает ли она настоящее имя Шанталь.

– Шанталь Мари Марсо. Звучит как псевдоним, правда? Поверь, мои родители не называли меня Рысью! Она из канадских французов. Мать и отец – учителя. Когда они погибли в автокатастрофе, Шанталь бросила колледж и переехала в Вену. Там встретила госпожу – Графиню Еву – из самых дорогих. Ева почувствовала к ней симпатию и пригласила к себе в ассистентки. Такой старомодный путь ученичества у мастера. Шанталь часто о ней рассказывала. Еве за пятьдесят, и, если верить Шанталь, она сдвинута на Фрейде. Проводила со своими клиентами чуть ли не сеансы психоанализа, укладывала их голыми на кушетку и выпытывала тайные фантазии. Если видела, что они сочиняют, то наказывала их за вранье, а потом, в конце сеанса, прижимала к себе и успокаивала. Именно с подачи Евы Шанталь стала думать о себе как о целителе. Графиня однажды приезжала сюда в гости, и мне выпало счастье с ней познакомиться. Невероятная женщина! Прямо излучает властность. Шанталь переняла ее мантру: «Болью защититься от боли».

Мне все больше нравится Рысь: она умная и адекватная. Я понимаю, почему они с Шанталь стали подругами.

– А у Шанталь есть братья или сестры?

– Есть брат, инструктор по лыжам в Вермонте. Наверняка он уже в курсе. Ты же сказала, что Джоша допрашивали копы. Полагаю, он объяснил им, как связаться.

– Не уверена. Джош говорил, что почти ничего о ней не знает.

Рысь трясет головой.

– Неправда. Знает. Не стоит ему верить. Он мошенник: подделывает картины и продает их тупым коллекционерам.

– Уверена?

– Так говорила Шанталь. – Рысь медлит. – Слушай, я не хочу поливать грязью твоего друга.

– Да он не то чтобы друг. Так, недавний знакомый.

– Ну... Так вот, у Шанталь был брат, но они не особо дружили. И все-таки я надеюсь, что ему сказали. Учитывая, в каком виде ее нашли, она заслуживает хотя бы достойных похорон.

Разговор возвращается к моей постановке. Как и Шанталь, меня привлекает сочетание естественного и нарочитого.

– Я готовлю новый спектакль. Мой персонаж – страшно богатая шестидесятилетняя дама. Снаружи – воплощенная элегантность, а внутри – обида и задавленная ярость.

– Похоже, будет интересно.

– Сегодня я репетировала, просматривала видео того, что получилось.

– Хороший метод. Мы тоже работаем под запись. Клиентам, само собой, не говорим; ведь они все повернуты на конфиденциальности. Но мы с Шанталь всегда записывали: для страховки от всяких обвинений и – как ты – убедиться, что все разыграли как надо. Смотрели запись и обменивались впечатлениями.

Мне хочется увидеть Шанталь за работой. Но я молчу: вдруг Рысь откажет. Вместо этого говорю:

– На курсах актерского мастерства это называется критическим анализом.

Рысь кивает:

– Узнай об этом клиенты, они бы нас убили.

При слове «убили» мы смотрим друг на друга, а потом моя собеседница зажимает ладонью рот.

– Господи Иисусе! Я совсем не имела в виду...

– Однако наводит на мысли, верно...

– А если кто-то и вправду узнал? Мы-то записывали из профессиональных соображений. Не занимались никаким «шантажом по согласию»: многие мужчины хотят, чтобы их вынуждали к покорности под угрозой рассказать всё близким и начальству. Мы всегда обращались с клиентами уважительно и честно. И как только необходимость в записи исчезала, сразу ее стирали.

– А в лофте Шанталь тоже делала записи?

– Да. Она очень серьезно к этому относилась.

– А где располагалась камера?

– У нее было две, обе в клетке: одна там, где решетка крепится к стене, а вторая – в противоположном углу. Если не знать – не заметишь. Придешь домой, посмотри.

– То есть они все еще там?!

Я начинаю нервничать. *Разве Шанталь не должна была их снять при отъезде?*

Рысь замечает, что мне не по себе, и снова объясняет необходимость делать записи.

– Это еще вопрос безопасности. Скажем, клиент приходит на встречу, и у него съезжает крыша. Ты изо всех сил стараешься его утихомирить, привести в себя – но гораздо лучше, если кто-то следит за сеансом в режиме реального времени. Если наблюдатель, а обычно это парень, которому ты доверяешь, видит, что ситуация выходит из-под контроля, он может войти и оказать помощь. Если ты с постоянным клиентом, то камера, скорее всего, будет выключена. А вот с новым, про которого ты ничего не знаешь, ты точно захочешь подстраховаться. Раньше мы выходили из комнаты и быстро звонили другу, который ждал внизу в машине, – произносили кодовое слово, например, «зеленый свет», и он знал, что с тобой все в порядке. Однако живая картинка с камеры лучше, если на другом конце дежурит тот, кому ты доверяешь.

– А кто дежурил во время сеансов Шанталь?

И не успеваю я задать вопрос, как понимаю, что знаю ответ.

– Джош. Она говорила мне, что ему нравится смотреть на сеансы со стороны. Любитель понаблюдать. Отличное качество для охранника. Он сидел у себя на шестом этаже, готовый при необходимости прибежать к ней наверх. Жаль, что в моем здании такого соседа нет.

Да твою же мать!

Я иду домой и размышляю стоит ли припираться Джоша к стенке, ведь он мне наврал. Рысь советует не верить его словам. Вообще. *Больше и не буду.*

У себя в лофте я проверяю в указанных Рысью углах – камеры на месте, действительно тщательно скрытые. Не расскажи Рысь, куда смотреть, я бы и не заметила. Не рискуя демонтировать всю конструкцию, срезаю крошечные микрофоны и заклеиваю камеры черным скотчем.

Мне несколько жутко. Может быть так, что они еще работают? Неужели все эти недели Джош шпионил за мной – или у меня паранойя? А вдруг тут есть камеры и микрофоны, о которых Рысь не знает...

Джош лгал мне, что ничего не знает о клиентах Шанталь и о том, как именно она с ними работала. Но тогда зачем он навел меня на Рысь? Он ведь должен был понимать, что та, скорее всего, расскажет, что он был гарантом безопасности Шанталь. Какую хитрую игру он ведет? Или он хочет, чтобы я узнала о его слежке?

Каковы бы ни были мотивы Джоша, ясно, что доверять ему нельзя, однако с выяснением отношений лучше подождать. Пусть гадает, что я думаю, – может мне нравится быть объектом слежки...

Что же, признаюсь хотя бы себе: что-то в этом есть привлекательного – только не тайно, не без моего согласия. Выходит, мне по вкусу, что с самого переезда за мной тайком подглядывает вуайерист... Хорошая тема для следующего разговора с доктором Мод.

Отправляюсь на пробежку, продолжаю размышлять, почему же солгал Джош, а еще о брошенной Рысью фразе, что госпожа может стать целителем, который использует телесную боль, чтобы защитить клиента от внутренней, душевной боли.

Я снова спрашиваю себя, отчего меня так волнует судьба мертвой женщины, с которой я едва была знакома. Если следовать логике доктора Мод – я хочу понять Шанталь, чтобы использовать образ в спектакле, – и якобы по этой подсознательной причине при переезде я решила оставить клетку и крест. Однако я вижу, что есть что-то еще – глубже – странное чувство родства с Шанталь, ощущение, что наши жизни не просто случайно пересеклись, а связаны в каком-то смысле мистически.

За этими мыслями я не особо смотрю по сторонам, и внезапно понимаю, что бегу мимо букинистического магазина в квартале от дома. Останавливаюсь перевести дыхание, и решаю заглянуть или нет. Вот будет странно, если выяснится, что Шанталь продала свои книги именно сюда. Слишком странно. Или не слишком? Это ближайший к дому магазин, а если перед отъездом Шанталь нуждалась в наличных...

Футболка мокрая, лоб в испарине. В свете неистового солнца витрины и окна зданий ослепительно сияют. Закрываю глаза и подставляю лицо солнечным лучам. Затем возвращаю мысли к делам насущным – и шагаю к двери.

Звякает колокольчик. Внутри холодно и пахнет по-особенному – пыльными старыми книгами, как в библиотеке. Напротив двери прилавков, за ним – уткнувшийся в компьютер пожилой мужчина с седой бородкой. Едва уловимый запах виски. *Надо же, любитель книг и хорошего скотча.* Я приветливо улыбаюсь, но он даже не поднимает глаза от монитора.

Чуть дальше сидит женщина – за шестьдесят, поседевшие волосы убраны в пучок. Я подхожу к ней, она окидывает внимательным взглядом мой наряд и вопросительно улыбается.

– Просто посмотреть, – говорю я.

Она кивает и возвращается к работе.

Я иду по длинному проходу. По обе стороны – подписанные полки: ИСКУССТВО, ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ГОМОСЕКСУАЛИЗМА, РОССИЯ, БЕЙСБОЛ, ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

Между полками пять широких проходов, в конце каждого – коробки с нерассортированными книгами. Между ними еле протиснешься, и чем глубже я захожу, тем больше там хаоса: книги высятся неровными, готовыми вот-вот рухнуть кипами, порой почти до самого потолка. Проходы совсем узкие. Во втором зале – еще хуже, места нет совсем. ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, ПУТЕШЕСТВИЯ, ЭРОТИКА. К некоторым полкам вообще не подойти, приходится рассматривать издали. Можно представить, какие сокровища здесь таятся.

Возвращаюсь к прилавку. Седой Пучок поднимает на меня глаза с тем же вопросительным выражением.

– Не знаю, тот ли это магазин, – говорю я. – Подруга недавно продавала книги, но не уверена, что вам.

Седой Пучок интересуется:

– Описать подругу можете?

– Красивая. Очень белая кожа, длинные темные волосы. Жила в высотке за углом.

– А, знаю, о ком вы, – влезает Седая Бородка. – Да, это мы купили ее библиотеку. – Теперь его очередь меня изучать. – Вы сказали, жила. С ней что-то случилось?

Я не знаю как лучше рассказать о случившемся.

– Недавно она умерла.

Седая Бородка, помолчав, произносит:

– Печально. Очень приятная молодая дама. Не торговалась. Пригласила меня в свой лофт. Я все оценил, предложил цену, и она согласилась. Я заплатил и отправил рабочих упаковать и забрать книги.

– Они все еще у вас?

Торговец смеется.

– Конечно! Даже не распакованы. Полагаю, руки дойдут через год, не раньше.

– Можно взглянуть?

– Хотите их купить?

– Может быть. Я сейчас живу в ее лофте. Помнится, у нее были некоторые очень интересные книги, – вру я. – Думаю, если я какие-то из них обнаружу, то захочу приобрести.

Седая Бородка и Седой Пучок обмениваются взглядом. Наверно думают, что я еще одна ненормальная.

– Вытащить их и разложить не получится. Но если вы настроены на покупку, жена покажет вам коробки – ройтесь в них, выбирайте. Найдете что-то, мы назовем цену. Но только если вы и впрямь настроены на покупку.

Я заверяю его, что очень даже настроена.

Седая Бородка кивает Седому Пучку.

– Отведи юную леди.

Сурово смотрит на меня.

– Книги не перепутайте. Они лежат в коробках в том порядке, в каком стояли у вашей подруги на полках. Если порядок нарушится, я не смогу потом расставить их как положено.

Я обещаю быть очень аккуратной.

Седой Пучок ведет меня в конец зала, потом по тесной лестнице вверх в длинную узкую комнату над магазином. Пыльное окно в дальнем конце выходит на улицу. И там же оказываются двадцать коробок с надписью «Дефорж».

– Откройте верхнюю и посмотрите. Возможно, так будет легче сориентироваться.

Первая же книга – биография Зигмунда Фрейда с выделенными абзацами и пометками на полях.

– Половина в таком состоянии. Вот почему мы не смогли предложить ей высокую цену, – объясняет Седой Пучок. – Разумеется, наши клиенты не ждут, чтобы книги были новехонькие, но предпочитают делать на полях собственные записи.

Подхожу ко второй стопке, тянусь к самому верху. «Взлет и падение Третьего рейха» Уильяма Ширера, тоже густо испещрена заметками. Ниже обнаруживаю биографию Лу Андреас-Саломе, источник изречения на арке, в середине книги между страницами выглядывает краешек письма.

– Да, внутри некоторых книг есть письма. Такое впечатление, что хозяйка использовала свою библиотеку еще и как секретер. – Старуха хихикает. – Как-то раз покупатель нашел внутри Библии стодолларовую купюру. Поскольку за книгу он уже заплатил, купюра перешла в его собственность.

Я разворачиваюсь к ней.

– Письма были проданы вместе с книгами?

– Ну да. А почему нет?

– За сколько вы их отдадите?

– Оценку делает муж. Вы действительно хотите их купить?

– Если цена будет разумной, то я я куплю все собрание.

– Пойдемте вниз. Поговорим.

Переговоры завершаются быстро. Седая Бородка заявляет, что не любит торговаться. Я спрашиваю, сколько он заплатил за книги Шанталь. Делая вид, что с трудом вспоминает, он называет сумму в шестьсот долларов. Вряд ли он заплатил больше трехсот, но я не спорю. Говорю, что посмотрела только несколько томов сверху, и покупаю вслепую; предлагаю семьсот, если он обеспечит доставку обратно в тот же лофт.

Старик смотрит на меня.

– С полка, вниз по лестнице, вверх по лестнице и обратно на те же полки. Интересно. Тогда семьсот пятьдесят вместе с доставкой. А если вы доплатите моим парням, они вам все еще и по полкам расставят.

Он улыбается. Седой Пучок закрыла лицо ладонью, чтобы скрыть ухмылку.

Улыбаюсь ей в ответ. Отец всегда говорил: лучшие сделки те, где обе стороны считают, что обдурили партнера.

Глава 7

Вена, Австрия, 15 марта 1913 года

На улице льет дождь, Лу входит в кофейню «Ронакер» и стряхивает с зонтика воду. На этот раз молодой человек расположился за более просторным столом, перед ним лежит альбом для эскизов и карандаш. Он видит Лу и поднимается, чтобы приветствовать ее.

Сегодня он кажется другим человеком – никакого подобострастия – он не лебезит, не угодничает. Совсем другой человек. *Если бы я не знала, как он неуверен в себе, то нашла бы его отталкивающим.*

Молодой человек делает знак официанту и заказывает кофе и по куску шоколадного торта.

– Вы даже не поинтересуетесь, что бы я хотела?

– Я думал... в прошлый раз... – Он опускает глаза. – Простите.

– Бывает. В письме вы написали о готовности открыться, о «полной откровенности».

– Я готов ответить на все ваши вопросы. В свою очередь, прошу разрешения рисовать вас в процессе беседы.

– А разве людей вы тоже рисуете? На ваших картинах их нет.

– Рисую. Подчас мне хочется нарисовать того, кем восхищаюсь. – Он выразительно смотрит на нее. – Можно?

Она не возражает. Молодой человек делает наброски, время от времени бросая на нее взгляд, потом снова утыкаясь в альбом. От Лу альбом загорожен второй рукой.

– Сегодня вы держитесь куда увереннее, – замечает она.

– Мне это часто говорят, даже когда не согласны с моей точкой зрения. У меня, конечно, есть свое мнение, но я всегда открыт для новых идей, если достойный уважения собеседник – вот как вы – приводит убедительные аргументы. Этим своим качеством я даже горжусь.

– Я могу задать вам личный вопрос?

– Конечно! – с воодушевлением кивает он.

– У вас есть подруга?

– Я еще не испытывал влюбленности, но с нетерпением жду этого опыта.

– При мыслях о себе вы испытываете злость или горечь?

– Мне отлично знакомы оба этих чувства. Мое заявление о приеме в Академию искусств отклоняли дважды. Сами понимаете, особого счастья я не испытывал.

– Могу представить.

– В этом городе для меня нет работы. – Молодой человек продолжает рисовать по ходу разговора. – Два года назад я даже работал на вокзале носильщиком – без жалованья, за чаевые. А сейчас я живу в ночлежке с несколькими сотнями других безработных. Так что, сами понимаете, ничего веселого. – Глубокий вздох. – По правде говоря, если бы не жалкие гроши за мои работы и нищенское содержание от семьи, мне пришлось бы голодать и попрошайничать. При таких обстоятельствах, фрау Лу, трудно не испытывать горечь.

Лу участливо кивает. До сегодняшнего дня она считала его любопытным объектом для наблюдения; сейчас, впервые за все время знакомства, почувствовала что-то вроде сочувствия.

– Вы часто ходите к проституткам?

Молодой человек вздрагивает. Вскидывает голову от альбома.

– А вот это я ни за что не стану обсуждать с дамой!

– Возможно, вас просто пугает сексуальность как естественная часть человеческого существования?

– Так утверждает ваш дорогой профессор Фрейд?

– А вы знакомы с его теорией?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.